

Дарел Шарп

НЕЗРИМЫЙ ВОРОН Конфликт и Трансформация в жизни ФРАНЦА КАФКИ

*Серия» «Библиотека аналитической психологии
Редактор серии В.В. Зеленски*

Дарел Шарп

Ш21 Незримый ворон: Конфликт и Трансформация в жизни Франца Кафки.
Перев. с англ. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1994-128 с.(Библиотека аналитической
психологии)

ISBN 5-87224-054-6

ББК 88.5

Ш21

© НПО «МОДЭК», 1994

© Психоаналитическое Общество

Санкт-Петербурга, 1994

© Донец Ю.М., Зеленский В.В.

Перевод на русский язык, 1994

Предисловие редактора русского издания

Настоящая работа продолжает серию публикаций, объединенных общей темой — Аналитическая психология в современном мире. (Ранее вышла книга Дональда Ли Уильямса «Пересекая границу... Психологическое изображение пути знания Карлоса Кастанеды», 1994.)

Научное и культурное наследие швейцарского психолога и мыслителя Карла Густава Юнга, умершего в 1961 году, многообразно и, в частности, содержит глубокие прозрения и открытия в понимании природы и назначения невроза. На Западе существует много книг, посвященных теоретическим воззрениям Юнга, (в России эти книги только-только начинают появляться), но даже и там лишь в немногих изложении его принципов сочетается с точными и заслуживающими доверия примерами их применения. Книга Дарела Шарпа одна из таких книг.

В настоящем исследовании рассматривается личность творческого человека, а именно, жизнь и сновидения писателя Франца Кафки. После биографического очерка и описания сюжетов самих конфликтов, автор, практикующий психоаналитик-юнгианец, исследует психологический смысл напряжения, присущего столкновению между притязаниями инстинкта и стремлением к духовной жизни, между любовью и сексом, внутренней и внешней реальностью...

В последние годы, во всем мире, но в России, особенно, интерес к аналитической психологии и работам тех, кто практиковал и развивал ее, значительно возрос. Тем не менее, многие читатели не знакомы с юнгианской терминологией, поэтому я счел уместным снабдить данную книгу Кратким Словарем Юнгианских Терминов. В настоящий момент в Психоаналитическом Обществе Санкт-Петербурга готовится к изданию более полный Словарь Аналитической Психологии.

При подготовке настоящей работы были использованы переводные материалы на русском языке. В частности, некоторые фрагменты из дневниковых записей Франца Кафки и его Письма к Отцу в переводе Е.Кацевой. См: Франц Кафка. Америка, Процесс, Из Дневников. — Москва: Издательство Политической Литературы, 1991. Франц Кафка. Замок, Новеллы и Притчи, Письмо к Отцу, Письма к Милене. — М., 1991. (В дальнейшем все ссылки на это издание).

Валерий Зеленский, май 1994 г.

Содержание

Вступление

.....
Часть 1: биографическая

(перевод Ю.М. Донца)

1. Работа

.....
2. Женщины и

Брак.....

3. Семья

.....
4. Два Мира

.....
Часть 2: психологическая

(перевод Ю.М. Донца, В.В. Зеленского)

1. Конфликт

.....
2. Хтоническая

Тень.....

3. Условная Жизнь и Женственное

.....
Тюрьма

.....
Жизнь как Условность

.....
Мать и Анима

.....
Отчуждение и Оставленный Ребенок

.....
4. Трансформация

рис1

Страница дневника Кафки (май 1910г.)

Я не верю, будто есть люди, чье внутреннее состояние подобно моему, тем не менее, я могу представить себе таких людей, но чтобы вокруг их головы все время летал, как вокруг моей, незримый ворон, этого я себе даже и представить не могу.

«Дневники», 17 октября 1921 г.

Вступление

Франц Кафка родился в 1883 году в Праге в семье богатого чешского торговца. В 1924 году он умер от туберкулеза, не достигнув 41 года. Все произведения Кафки были написаны на немецком языке, хотя сам Кафка был чехом. Он написал три романа — «Америка», «Суд» и «Замок» — оставшиеся в той или иной мере незавершенными, а также множество рассказов и фрагментов повестей. Не многие произведения автора, в том числе и дневники (за 1910-1923 гг.), вышли в свет при его жизни. Все написанное им, и особенно дневники, — это рассказ о его стремлении справиться не только с конечными тайнами бытия, но и с основными реальностями повседневной жизни.

Говорят, что однажды Томас Манн дал книгу Кафки Альберту Эйнштейну, который вернул ее, сопроводив таким замечанием: «Я не смог прочитать ее, ум человека недостаточно к этому готов.»¹ Эйнджел Флорес, редактор сборника критических очерков «Проблема Кафки», приведя данный анекдот, далее говорит:

«Если Эйнштейн считает, что Кафка недоступен его пониманию, тогда он — единственный человек, признавший это. Почти каждый, кому доводилось читать Кафку, не говоря уже о тех, кто не читал его, не имеет и тени сомнения в том, что он вполне понимает Кафку и, более того, только он и понимает его.»²

Вполне очевидно, что не существует единомыслия в оценках Кафки-человека и Кафки-художника. Его сравнивали и противопоставляли таким писателям, как Чарльз,

Диккенс, Гоголь, Ницше, Достоевский, Кьеркегор, Карл Барт, Герман Мелвилл и Эрнест Хэмингуэй. С одной стороны, его называли невротиком, психопатом, ненормальным, извращенцем и шизофреником. С другой стороны, он провозглашался значительным религиозным писателем двадцатого века. Между этими крайностями располагаются все остальные оценки.

К.Г.Юнг считал, что в основе творческого порыва подлинного художника лежит именно стремление выразить внутреннее видение реальности, выходящей далеко за пределы и индивидуальной Самости, и мирского окружения. По моему мнению, с этим стремлением, в сущности, религиозным, связано исходное назначение Кафки, как писателя. Однако судьба Кафки как индивида в целом оказалось более банальной в том смысле, что большую часть жизни он прожил «условно». Это обстоятельство связано с конфликтом между требованиями его внутреннего мира и его устремлениями во внешней реальности.

В этом отношении Кафка был человеком своего и нашего времени. Его невроз, сама «условная жизнь», как аспект проблемы «вечного дитя» (пуэр этернус), был и остается неврозом нашего века. Говоря о неврозе, его никак нельзя привязать только к творческим натурам. Различие заключается в том, что художник может использовать невроз, и даже зарабатывать на жизнь с его помощью, тогда как обыкновенный человек, а также такой художник, как Кафка, чья творческая деятельность не обеспечивает средств к

существованию, зарабатывает на жизнь только вопреки неврозу. Выражение «пуэр этернус» (буквально «вечный ребенок») восходит к греческой мифологии, где оно означало вечно юного бога-ребенка (например, Иакха, Диониса, Эроса). В настоящем исследовании употребление этого термина, в основном, базируется на концепции, разработанной в книге «Проблема Вечного Дитя» известного аналитического психолога Мари Луиз фон Франц, в течение многих лет сотрудничавшей с Юнгом.

«Вообще говоря», — пишет она, — «человек, отождествляемый с архетипом «пуэр этернус», слишком долго пребывает в рамках психологии подросткового возраста, то есть все особенности, нормальные для семнадцатилетнего юноши, сохраняются и в дальнейшей жизни, сочетаясь в большинстве случаев со слишком сильной зависимостью от матери.»⁴

Термин «пуэр» следует понимать не в уничижительном, а в описательном значении. Следует подчеркнуть, что даже среди юнгианцев существует неправильное представление об этом термине, когда ему придается осуждающий смысл. В действительности термин «пуэр» употребляется в психологии для персонификации определенных типичных установок и поведенческих моделей, присутствующих в каждом человеке. Задача заключается в том, чтобы в процессе индивидуации (термин Юнга) определить свое сознательное отношение к этим (и другим) установкам, а не отождествлять себя с ними. Отождествление не есть нечто, совершаемое обдуманно; оно просто существует как данное положение дел.

Отождествление представляется как односторонность, а односторонность — это, очевидно, самый общий симптом невроза.

В дальнейшем изложении станет понятным, какое отношение имеет вышесказанное к Кафке. Моя задача заключается отнюдь не в том, чтобы объяснить или интерпретировать творческую деятельность Кафки. Прежде всего, я попытался осветить некоторые психологические факторы, характерные для его конфликтов, уделив особое внимание компенсаторной значимости некоторых его основ.

Разумеется, углубляясь в изучение личной психологии Кафки, я не ставлю своей целью хоть как-то преуменьшить его писательский масштаб.

Искусство Кафки выше личного и, говоря словами Юнга, идет «от ума и сердца художника к уму и сердцу человечества.»⁵

Рис 2 Страница дневника Кафки (май 1910г.)

Часть 1: биографическая

1. Работа

В 1906 году, в двадцатитрехлетнем возрасте Кафка получил в Пражском университете степень доктора юридических наук. Согласно Макс Броду, и другу и биографу Кафки, он решил изучать право потому, что оно было связано с «минимально фиксированной целью, или максимальным выбором целей»⁶ и могло пригодиться как средство заработка на жизнь. Кафка не собирался работать адвокатом, и никогда не работал им. Его единственным желанием было сочинять.

После неудачного начала в коммерческой конторе он поступил на работу в Институт Страхования Рабочих от Несчастных Случаев в Королевстве Богемия, который представлял собой полуправительственную организацию. Работа обещала быть именно такой, какую Кафка и искал: непродолжительной и нетрудной. Его обязанности в основном заключались в изучении причин несчастных случаев и определении величины риска, связанного с различной профессиональной деятельностью. У этой работы был только один недостаток: она была постоянная.

Несмотря на то, что Кафка занимал одну и ту же должность более двенадцати лет, она требовала от него таких усилий, о которых можно судить по ряду записей в дневнике проникнутых отчаянием и жалостью к себе из-за тщетных попыток найти достаточно свободного времени для сочинительства. В декабре 1910 года он делает следующую запись:

«Мне совершенно ясно, что я просто не в состоянии что-либо делать, пока не освобожусь от своей службы дело заключается лишь в моей возможности максимально долго держать голову так высоко, чтобы не утонуть.» [Д1 35]*

Чаще всего он приходил домой физически и душевно опустошенным, несчастным от безысходности. Для этого времени характерны следующие записи в дневнике:

«Я слишком устал. Я должен отдохнуть и выспаться, иначе я погиб во всех отношениях. Как трудно жить! Для установки памятника не понадобится усилий.» [Д2 23]

Он пробовал спать днем, в свободное время, и писать ночью. Но в результате ему приходилось напрягать последние силы, чтобы прожить следующий день. *«Я больше не брошу дневник»,* — пишет он в одном месте. — *«Я должен держаться за него. Это единственное место, где я могу выстоять.»* [Д1 33]

В 1911 году, записывая в дневнике свой разговор с антропософом доктором Рудольфом Штайнером, Кафка объясняет очевидную безнадежность своего положения. Работа в страховой конторе и писательская деятельность для Кафки «две профессии, которые никогда не смогут ужиться друг с другом.». *«Малейшее счастье, доставляемое одной из них, оборачивается большим*

несчастьем в другой. Если я вечером написал что-то хорошее, то на следующий день на службе весь горю и ничего не смогу довести до конца. Эти метания из стороны в сторону становятся все более мучительными. На службе я внешне выполняю свои обязанности, но лишь внешне, формально, а не внутренне, и каждая невыполненная внутренняя обязанность превращается в несчастье, которое потом уже не покидает меня.» [Д1 59]

И все же работа в страховой организации не оставалась единственной внешней деятельностью Кафки, требовавшей к себе внимания. Часть своего бесценного свободного времени ему приходилось тратить на осуществление руководства работой шляпной фабрики, принадлежавшей его отцу. В 1911 году он упоминает в дневнике о страданиях, которые причиняет ему фабрика. Эти заботы *«приводят к полному уничтожению моего существования, которое и без этого, становится все более безысходным.»* [Д1 201]. Несколько лет спустя его положение остается столь же отчаянным, как и прежде. *«Я не смогу писать до тех пор, пока не перестану ходить на фабрику»*, — жалуется он,

Страницы указаны по *«Дневникам Франца Кафки»*, 1910-1913 [Д1] и 1914-1923 [Д2]

воплощая чувство глубокой антипатии в замечательном образе:

«Непосредственное соприкосновение с повседневным миром ли тает меня возможности широко смотреть на вещи, так словно я сижу на дне ущелья, да еще и склонив голову» [Д2 109]

И тем не менее, он неоднократно выражает мысль о том, что виноват во всем сам и что страховой организации он обязан работой на полный рабочий день. *«В конечном счете»*, — пишет он в феврале 1911 года, — *«виноват я, служба вправе предъявлять ко мне простые и справедливые требования.»* [Д1 44]. Макс Брод описывает, как Кафке приходилось корпеть над отчетами, олицетворявшими бюрократическое крюкотворство, тогда как дома на столе его дождался незаконченный рассказ.

Этим объясняется утверждение Макса Брода, что *«для Кафки литературная работа не представлялась «всем и вся», сколь бы много дневниковых записей, понятых буквально, ни говорили об этом.»*⁷ *«Напротив»*, — пишет Брод, — *«жизнь в социальном окружении и значимая работа были для него идеалом и высшей целью».*⁸

В целом вышесказанное вызывает противоречивые чувства. С объективной точки зрения, ничего «значимого» в работе Кафки в страховой организации нет. Он являлся обычным служащим, и его отчеты (как ему было прекрасно известно) мог подготовить любой сотрудник, тогда как рассказ, лежащий на столе Кафки, мог закончить только сам Кафка. Что касается отцовской фабрики, то сам Кафка считал, что если бы ему удалось представить себе работу фабрики во всех деталях, то *«чего бы я тогда достиг?»* [Д1 201]. И тем не менее, он упрекал себя, когда пренебрегал своими фабричными «обязанностями».

После 1917 года, когда было окончательно установлено наличие у него

туберкулезного заболевания, Кафка отказался от постоянной работы и смог уделять писательству больше времени. И все же отзвук прошлого чувствуется в одном из поздних афоризмов Кафки: *«Его усталость была усталостью гладиатора после боя; а работа заключалась в побелке угла государственной конторы.»*⁹

2. Женщины и брак

Отношение Кафки к женщинам характеризуется крайней амбивалентностью. Он без труда устанавливал с ними дружеские отношения, но и побаивался их. *«Женщины — это силки, расставленные повсюду для мужчин, чтобы утащить их в самую ограниченность.»*¹⁰

Его немногочисленные сексуальные контакты, по-видимому, были не очень успешными. В июле 1916 года он делает следующую запись в дневнике: *«За исключением времени, проведенного в Цукмантеле, у меня никогда не было интимных отношений с женщинами. Да еще, пожалуй, встреча со швейцарской девушкой в Риве. Первая предстала женщиной, а я был несведущ; вторая была ребенком, я же оказался в полном замешательстве.»* [Д2 159]

Другая дневниковая запись, сделанная в 1916 году, позволяет заключить о том, что он знал о навязчивом (и мимолетном) характере «чар анимы»: *«Что за наваждение с девушками — несмотря на головные боли, бессонницу, седину, отчаяние, я подсчитал: с прошлого лета их было не менее шести. Невозможно устоять, я не могу удержаться, чтобы не восхищаться достойной восхищения, и не любить, пока восхищение не будет исчерпано.»* [Д2 154]

Вполне возможно, что Кафка был импотентом. *«Что сделал ты с дарованным тебе счастьем быть мужчиной?»* — задает он себе вопрос в январе 1922 года. — *«Не получилось, вот и все, что можно сказать.»* [Д2 203] Макс Брод упоминает о случайных посещениях публичных домов, но чаще Кафка просто забавлялся этой мыслью:

«Я нарочно хожу по улицам, где есть проститутки. Когда я прохожу мимо них, меня возбуждает эта далекая, но тем не менее существующая возможность пойти с одной из них.» [Д1 309].

В письме, написанном в последние годы жизни, Кафка рассказывает о своем первом опыте полового общения с женщиной (проституткой). *«В целом опыт оказался более ужасным, более непристойным.»*¹² Его отношение к сексу можно обобщить в одной фразе: *«Коитус как кара за счастье быть вместе.»* [Д1 296]

И тем не менее, о браке Кафка был самого высокого мнения. *«Здесь нет никого, кто понимал бы меня во всей моей полноте. Иметь рядом человека, способного на такое понимание, может быть женой, значит иметь всестороннюю поддержку, иметь Бога.»* [Д2 126]. Эта запись характерна для его дневников. В известном «Письме к Отцу», написанном в 1920 году, когда Кафке было 37 лет, он пишет:

«Жениться, создать семью, принять всех рождающихся детей,

*поддерживать их и этом неустойчивом мире, быть для них в чем-то руководителем — это, по моему убеждению, самое большое благо, которое дано человеку.»***13**

В 1922 году он пишет:

«Бесконечное, глубокое, теплое, спасительное счастье — сидеть возле колыбели свою ребенка, напротив ею матери.

Здесь есть что той от чувства теперь дело не в тебе, однако ты только того и хочешь. Другое чувство у бездетного все время дело в тебе, хочешь ты того или нет, в каждое мгновение, до самого конца, в каждое разрывающее нервы мгновение, все время дело в тебе, и все безрезультатно. Сизиф был холостяком.» [Д2 204-205]

Ясно, что одного искусства, этого потомка, которого Кафка возвращал в своем одиночестве, ему было недостаточно. И тем не менее любая попытка заключить брак и «создать семью» терпела неудачу из-за внутренних конфликтов.

В течение пяти лет Кафка балансировал на грани брака с молодой берлинкой Фелицией Бауэр. Он познакомился с ней в августе 1912 года. Эта связь была мучительной для обеих сторон и характеризовалась крайними перепадами в настроениях. Так, в июне 1914 года он пишет в дневнике:

«Убежден, что нуждаюсь в Ф.» [Д2 62]. В июле 1916 года помечает:

«Невозможно жить с Ф.» [Д2 157]. Несколько раз они объявляли и расторгли помолвку. В августе 1913 года Кафка сообщает Макс Броду: *«Я люблю ее, насколько я на это способен, но моя любовь погребена почти до удушения под страхом и угрызениями совести.»***14** В октябре 1916 года он пишет девушке:

*«Ты принадлежишь мне, я сделал тебя своей. Ни в одной сказке нет женщины, за которую сражались бы дольше и отчаяннее, чем я сражался за тебя с самим собой.»***15**

Но все оказалось тщетным. Их связь окончательно прервалась (по вине Кафки, с некоторым для него чувством облегчения) в декабре 1917 года, когда ему поставили диагноз туберкулезного заболевания. В одном из последних дневниковых упоминаний о ней делается следующий вывод: *«За последние пять лет завязалось много узлов на кнутах, которыми мы хлестали друг друга.»* [Д2 187]

Еще два года ушло на душевные искания, связанные с возможностью совместной жизни с Миленой Есенской, которая перевела на чешский язык первые рассказы Кафки. В действительности им удалось встретиться лишь дважды, но Кафка написал ей множество писем, проникнутых чувствами отчаяния, блаженства, самоуничтожения и самобичевания. (Макс Брод: *«По моему мнению, они относятся к самым значительным любовным письмам всех времен.»***16**) Милена, хотя и не была счастлива в браке, и все же не могла решиться оставить мужа. Кафка, терзаемый обычной для него неуверенностью, также не смог ничего предпринять. Их роман в письмах иссяк вскорости после того, как он написал ей следующее:

«Возможность совместной жизни, которая, как нам казалось, была у нас в

Вене, не может существовать ни при каких обстоятельствах, не существовала она и тогда. Я смотрел «из-за своего забора», держась за его край, откуда затем свалился с израненными руками Разумеется, существуют и другие возможности совместной жизни, мир полон возможностей, но мне они пока не известны.»¹⁷

Эти две главные неудачи, как и несколько кратковременных увлечений, утвердили Кафку в мысли о том, что он «психологически не пригоден к браку»:

«Это проявляется в том, что, как только я принимаю решение жениться, то теряю сон, моя голова начинает пылать, жизнь перестает называться жизнью, я слоняюсь в отчаянии.»¹⁸

В декабре 1911 года, задолго до того, как стало ясно, что он никогда не женится, Кафка выразил в дневнике свое страстное желание иметь детей, и нечаянно предсказал свою собственную судьбу:

«Несчастный человек, обреченный на бездетное существование, заключен в темницу собственного несчастья. Ни малейшей надежды на возрождение, на помощь от более удачливых звезд. Он должен прожить свою несчастную жизнь, а когда закончится ее круг, оставить все свои надежды и не пытаться выяснить, вновь не исчезнет ли пережитое им несчастье, не породит ли оно что-либо доброе на несравненно более долгом пути, при других телесных и временных обстоятельствах.»¹⁹ (Д1 200)

И лишь на последнем году своей жизни Кафке удалось в какой-то степени обрести удовлетворение от совместной жизни с женщиной. Ею оказалась Дора Димант, девушка почти вдвое моложе его. Кафка познакомился с ней летом 1923 года, когда отдыхал в Мюрице, прибалтийском курорте.

Очарованный, он вернулся в Прагу, оборвал все связи и отправился жить с ней в Берлин. Она находилась рядом с ним, когда он окончательно свалился от болезни и умер 3 июня 1924 года.

3. Семья

Взаимоотношения Кафки со своими родителями не были утешением для него, поскольку он не имел своей собственной семьи. Несмотря на то, что он прожил с ними почти всю свою жизнь, он чувствовал себя «более посторонним, чем самый посторонний человек.» [Д1 299] Франц держался особняком и избегал участия в общественной жизни своих родителей. Любые попытки завладеть его временем или вмешаться в его дела приводили Кафку в негодование. В августе 1913 года он пишет:

«За последние годы я со своей матерью и в среднем не говорю за день и двадцати слов, а к отцу вряд ли когда-нибудь обратился с другими словами, кроме приветствия... Все, что не относится к литературе, наводит на меня скуку и вызывает ненависть, потому что мешает или приводит ко всякого рода задержкам, хотя возможно, это мне только кажется. Я лишен всякой склонности к семейной жизни, в лучшем случае могу быть разве что наблюдателем. У меня совсем нет родственных чувств, а в семейных

визитах мне чудится прямо-таки направленный на меня злой умысел.» [Д1 299-300].

Его отец сам выбился в люди и не отдавал должное ни чуткой натуре Кафки, ни его литературному таланту. В «Письме к Отцу» Кафка пишет о «методе воспитания», с помощью которого отец взвалил на него *«бремя страха, слабости и презрения к себе.»*²⁰ Это бремя остановило его развитие не только в отношении брака (*«наиболее значимая и обнадеживающая попытка бежать»*²¹), но и во всех других областях жизни:

*«Там, где я жил, я был отверженным, приговоренным, побежденным, и, несмотря на все мои усилия бежать в другое место, все было тщетно, потому что я пытался совершить нечто невозможное, непосильное, за исключением, может быть, незначительных случаев.»*²²

Несмотря на непочтительное отношение Кафки к отцовскому «материализму», он отчаянно жаждал его одобрения: *«Мое мнение о себе зависело от тебя в большей степени, чем от чего-либо другого, например, от внешнего успеха.»*²³ Доброе слово отца, благословение сыновних усилий в любой области деятельности, как считал Кафка, укрепили бы его и позволили смело смотреть в лицо враждебного мира. Вместо этого:

*«Перед вами я утратил уверенность в себе и променял ее на бесконечное чувство вины. Оглядываясь на эту бесконечность, совершенно искренне я написал о ком-то. «Он боится, что этот позор переживет его.»*²⁴

Не приходилось ждать помощи и от матери:

«Она считает меня здоровым молодым человеком, который немножко страдает от того, что вообразил себя больным, фантазии эти со временем исчезнут сами собой, но самый решительный способ уничтожить их — жениться и наплодить детей. Тогда и интерес к литературе сократится до той степени, какая, быть может, и подобаает образованному человеку.» [Д1 184-185].

Кафка считал, что она была в союзе с отцом, с которым они вместе выступали против него. Когда Франц был ребенком, его мать утром уходила из дома, чтобы помогать мужу в работе на предприятии. По вечерам отец полностью завладевал ее временем, привлекая к игре в карты.

На фотографиях матери Кафки видна дама крепкого телосложения, с квадратным волевым лицом. Действительно, это была мужеподобная женщина, поступки и убеждения которой характеризуют ее как *«женщину анимус».*²⁵ *«Как бесит меня мать»,* — пишет Кафка в декабре 1913 года. *«Стоит мне только заговорить с ней, и я раздражаюсь, почти до визга.»* [Д1 137]. В октябре 1916 года он пишет: *«Отец, с одной стороны, мать, с другой, в силу необходимости почти сломили мою волю.»* [Д2 168]. В письме к отцу он характеризует мать, как личность *«бессознательно сыгравшую роль загонщика на охоте.»*²⁶ Другими словами, он видел в матери загонщика, выгоняющего его на открытую местность, где отец смог бы с ним расправиться.

Кафка никогда не был близок с родителями, а из трех младших сестер он любил только Оттилию, которая была моложе его на 9 лет. Несколько раз он

покидал родителей, чтобы жить самостоятельно, но все эти попытки заканчивались неудачно. Как бы ни была невыносимой жизнь дома, самостоятельное существование оказывалось еще более невыносимым. *«Одинокая жизнь, — отмечает он в июле 1914 года, — заканчивается только наказанием.»* [Д2 75].

Неудовлетворительный характер домашней жизни Кафки находит замечательное отражение в его разговоре с Густавом Яноухом, молодым поэтом, отец которого работал в той же страховой конторе, что и Кафка. В течение двух лет (1920-1922) у Яноуха были регулярные беседы с Кафкой по самым разным вопросам, начиная с религии и искусства и, кончая, сновидениями. Так, он приводит следующие размышления Кафки: *«Сейчас я отправляюсь домой. Но это лишь видимость. В действительности я поднимаюсь в тюрьму, построенную специально для меня; причем все это неприятно потому, что выглядит эта тюрьма как обычный дом для буржуа, и никто, кроме меня, не знает, что это — тюрьма. Поэтому все попытки тщетны. Нельзя разбить оковы, когда оков не видно.»*²⁷

4. Два мира

«Одиночество сильнее всего, — записал Кафка в одном из дневниковых фрагментов, — оно возвращает вас обратно к людям. Естественно, что тогда вы пытаетесь найти новые пути, на вид менее болезненные, но в действительности просто пока неизвестные.» [Д2 81]. Поиск «путей на вид менее болезненных», и все попытки, предпринятые Кафкой, установить удачную и продуктивную связь с «жизнью в обществе», оказались безрезультатными.

Не найдя доверия и понимания дома, потерпев неудачу в попытке жениться и иметь детей, Кафка оказался наедине с собой и своим сочинительством. В январе 1922 года, признавая свои неудачи, Кафка делает в своем дневнике следующую запись:

«Для всего существует искусственный, жалкий заменитель для предков, супружества, потомков. Его создают и в судорогах и если не погибают от этих судорог, гибнут от безотрадности заменителя.» [Д 2 207]

Поглощенный исследованием и описанием того, что он называл «призрачной сноподобной внутренней жизнью» [Д2 77], Кафка тем не менее стремился к более «нормальному» бытию, более «продуктивному» существованию в реальном повседневном мире. Действительно, в дневниках и других записях можно найти достаточно свидетельств в пользу мнения Макса Брода о том, что в Кафке боролись за господство две противоположные тенденции: *«стремление к одиночеству и желание быть общительным.»*²⁸ По мнению самого Кафки, он существовал на своего рода ничейной земле:

«Пограничную зону между одиночеством и общением я пересекал крайне редко, в ней я обосновался даже более прочно, чем в самом одиночестве. Каким живым, суматошным местом был по сравнению с этим остров

Робинзона!» [Д2 198]

Далее, как уже упоминалось, Брод настаивает на том, что *«Кафка не одобрял тенденцию к одиночеству. Именно жизнь в обществе и значимая работа были для него высшей целью и идеалом.»*²⁹ Впрочем и здесь присутствует амбивалентность, переданная с чувством горечи в «Уличном Окне»: *«Тот, кто ведет уединенную жизнь, время от времени испытывает желание привязаться к чему-нибудь; тот, кто ведет зависимости от времени дня, погоды, положения своих дел и т.п. внезапно испытывает желание увидеть хоть какую-нибудь руку, за которую он смог бы держаться, такой человек не продержится долго без окна, выходящего на улицу.»*³⁰

Для всех выражений отъединенности Кафки характерно сожаление, томительное желание, чтобы все было наоборот. *«Притягательная сила мира человеческого столь огромна, что в одно мгновение она может заставить обо всем забыть»*, — огорченно замечает Кафка в январе 1922 года и далее говорит:

«Но притягательная сила моего мира тоже велика, те, кто любят меня, любят меня потому, что я «покинутый», потому, что они чувствуют, что в счастливые времена я в том своем мире обретаю свободу движения, которой здесь начисто лишен.» [Д2 215]

«Другой мир» Кафки — это личный, внутренний мир, мир души, мир взыскующего трансцендентальной истины. Вся творческая энергия Кафки была обращена к этому миру. *«Основное питание я получаю от других корней, в других краях»*, — заявляет он. — *«Это тоже жалкие корни, но тем не менее они способны лучше поддерживать жизнь.»* [Д2 215]. Если учесть его амбивалентность, то последнее замечание вселяет надежду. В одном из высказываний, записанных в 1920 году, Кафка говорит о своем стремлении *«достичь такого изображения жизни (и обязательно убедить других в правдивости такого изображения в литературе), в котором жизнь, по-прежнему сохраняющая свои естественные, полноценные подъемы и спады, виделась бы одновременно как отчетливое ничто, как сон, как парение в дымке.»*³¹

Как заметил Ницше, *«это находится далеко, и только быстрые достигают такого состояния, и тогда испытывают удовлетворение.»*³² Произведения Кафки свидетельствуют о том, что ему удалось этого достичь; достичь изображения жизни, проникнутой меланхолией, разочарованием и отчаянием, что, впрочем, не всегда доставляло удовлетворение. *«Если я обречен»*, — пишет он в июле 1916 года, — *«то обречен не только на смерть, но обречен и на сопротивление до самой смерти.»*— [Д2 161]

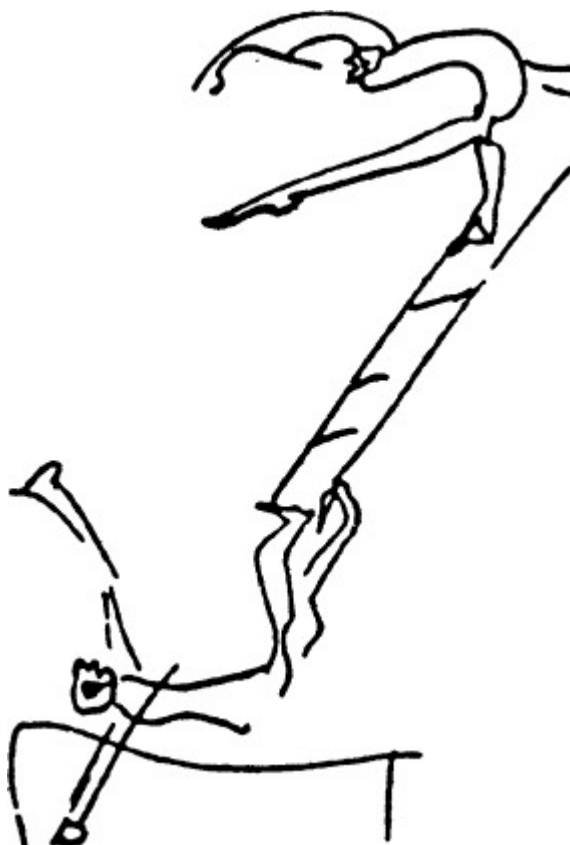
В своем рассказе «Тонио Крюгер» Томас Манн определил эту дилемму, как один из основных элементов в отношении современного художника к обществу. *«Я люблю жизнь»*, — заявляет Крюгер и затем продолжает: *«Нормальное, добропорядочное, милое — жизнь во всей ее соблазнительной банальности — вот царство, по которому мы тоскуем. Тот не художник, ... кто не знает тоски по наивному, простодушного, живому, по малой толике*

*дружбы, преданности, доверчивости, по человеческому счастью, — тайной и жгучего желания блаженной обиденности».***33**

Один из друзей Крюгера расценивает признание Кафки, как свидетельство того, что тот — «буржуа на ложном пути, заблудший буржуа». То же можно сказать о Кафке, однако вряд ли он смог бы превратить это обвинение в дерзкий манифест Крюгера: *«Если что-то и может превратить литератора в поэта, так это моя буржуазная любовь к человеческому, живому, обычному.»***34**

Не вызывает удивления то место в биографии Кафки написанной Максом Бродом, где говорится, что Тонио Крюгер был любимцем Кафки, поскольку в его душе находили отзвук печальные признания Крюгера: *«Я стою между двумя мирами. И ни в одном из них я не чувствую себя дома. Поэтому я страдаю.»***35**

Почти нескончаемые стенания, вызванные зарождением надежд в обоих мирах, внутреннем и внешнем, звучат постоянным рефреном на протяжении всей жизни Кафки.

«Мое состояние — не состояние «несчастья». Но это и не счастье, не равнодушие, не слабость, не усталость, не интерес к чему-то, тогда что же оно такое? То обстоятельство, что я не знаю этого, связано, вероятно, с моей неспособностью писать. И ее я, кажется, ощущаю, не зная причин. Нее вещи, возникающие у меня в голове, растут не из корней своих, а откуда-то с середины. Попробуй-ка удержат их, попробуй-ка держать траву и самому держаться за нее, если она начинает расти лишь с середины стебля. Пожалуй, кое-кто это умеет, например, японские

акробаты, взбирающиеся по лестнице, которая стоит не на земле, а на поднятых вверх ступнях полулежащего человека, и не прислонена к стене, а вздымается вверх прямо в воздух. Я этого не умею, не говоря уж о том, что под моей лестницей нет даже тех ступней.»

Фрагмент из дневника Кафки (1910 г.)

Часть 2: Психологическая

1. Конфликт

Сетования Кафки по поводу своей работы (и ненужных обязанностей по управлению отцовской фабрикой) служат классическим выражением разочарования, которое испытывает художник, связанный обязательствами, без которых он мог бы прекрасно обойтись. Тотчас возникает вопрос: почему он не смог отказаться от них?

Причины нетрудно отыскать. Разумеется, у него не было независимых средств к существованию. Кроме того, он предпочел бы вынести более суровые лишения, чем взвалить финансовое бремя на своих родителей, даже если бы они смогли без труда справиться с ним. Макс Брод приписывает это упрямству Кафки: *«...пассивное упорство... он страдал и хранил молчание.»*³⁶ Сам Кафка мог найти множество причин, так, например, в 1911 году в беседе с доктором Штайнером он говорит:

«Помимо моих семейных обстоятельств я не мог бы существовать литературным трудом уже хотя бы потому, что долго работаю над своими вещами; кроме того, мое здоровье и моя натура не позволяет мне жить, полагаясь на — в лучшем случае — неопределенные заработки.» [Д1 59].

Два года спустя, в письме к отцу невесты, он пишет:

«Моя служба невыносима для меня, потому что она противоречит моему единственному призванию и моей единственной профессии — литературе... Вы вправе спросить, почему я не отказываюсь от своей службы и не пытаюсь — состояния у меня нет — жить литературными заработком. На это я могу дать лишь жалкий ответ, что у меня нет сил для этого и, насколько я способен судить о своем положении, служба погубит меня, причем погубит окончательно.» [Д1 299]

Такие причины и оправдания объясняют, почему Кафка не оставил службу, но не вносят ясность в основной вопрос, а именно то, что он не мог оставить службу.

Психологическую интерпретацию следовало бы начать с этого тупика, на котором зиждется любая конфликтная ситуация. Тот не может совершить поступок, кто не знает, что ему в действительности нужно. Отсутствие такого знания означает незнание того, кем в действительности является данное лицо.

Аналогично этому, в основе неспособности Кафки жениться лежит конфликт между стремлением к одиночеству и стремлением к совместной жизни с

близким человеком. Его повышенная чувствительность к шуму, его интроспективная натура, медленное и напряженное созревание его таланта — все эти и другие факторы, как он полагал, требовали в большей или меньшей степени аскетической жизни. Семейная жизнь и взаимные обязанности могли бы отвлекать его. И все же это понимание не положило конец конфликту, а лишь усугубило его. Так, например, в феврале 1914 года, когда его стремление жениться на Фелиции Бауэр достигло максимального напряжения, Кафка пишет:

«Обвинять с определенностью было бы некого, если бы я покончил с собой... Ф. случайно оказалась тем, на ком подтвердилось это предначертание, я не могу жить без нее и должен броситься вниз [из окна], но и с нею я не смог бы жить.» [Д2 20]

В дневниковой записи за июль 1916 года мы встречаем такое место:

«Невозможно жить с Ф. Невозможно жить с кем бы то ни было. Я не сожалею о невозможности жить в одиночестве.» [Д2 157]. При всем многообразии причин, объясняющих, почему Кафка не мог жениться на Фелиции Бауэр, существует лишь один психологический ответ: он не мог жениться потому, что не знал, кто он такой.

Вообще говоря, конфликт возникает тогда, когда существует возможность — и искушение — выбора способа действия. Теоретически существует много вариантов выбора. Однако на практике оказывается, что конфликт обычно возникает между двумя вариантами, причем каждый из них содержит свою собственную цепь следствий; например, муж и любовник, жена и любовница, две различные работы, два направления, два решения и т.д. Самые болезненные конфликты, вероятно, возникают в связи с выбором между «безопасностью и свободой.»

При наличии возможности выбора между двумя несовместимыми вариантами, обладающими равной привлекательностью, психологическая реальность такова, что можно говорить о наличии двух отдельных личностей, которые рассматриваются как персонификации комплексов.³⁷ При этом каждая требует удовлетворения и не согласна поступиться своим суверенитетом. При таких обстоятельствах задача индивида заключается в сохранении напряжения между противоположностями (со всеми вытекающими отсюда тяготами) с целью установления, кем он (или она) в действительности является. Принятие поспешного решения в пользу той или другой стороны лишь укрепит позиции противоположной.

Для разрешения конфликта существуют две предварительные возможности. В первом случае можно взвесить все «за» и «против» каждой стороной, а затем принять логически удовлетворительное решение, во втором случае необходимо решать, чего вы «действительно хотите», и затем приступить к реализации решения.

По поводу первого говорить особенно нечего. Решение всех вопросов, которые можно решить с помощью разума без пагубных последствий следует предоставить разуму.³⁸ Вопрос лишь в том, что разум сам по себе может скорее всего продлить конфликт, нежели разрешить его, как это и было в

случае Кафки.

Серьезные конфликты не разрешаются столь легко. Они требуют точной ставки с бессознательным, так сказать, диалог с «другой стороной». Поэтому, при встрече с анализируемым, внутреннее состояние которого характеризуется наличием конфликта, аналитик может задать такой вопрос: «Что вы хотите?» или, сместив акцент, «Что хотите вы?» Эти вопросы неизменно ставят анализируемого в затруднительное положение, поскольку, если бы он знал, что он хочет, у него не было бы конфликта. В сущности, сознательно он стремится и к тому, и к другому.

С психологической точки зрения полезны оба вопроса, ибо в первом случае, с акцентом на «вы», активизируется позиция индивидуального (противоположность устремлениям других индивидов); в другом вопросе, с акцентом на «хотите», сосредотачивается чувственная функция (рассудительность, оценочная способность³⁹). Таким образом можно разрешить некоторые конфликты без дальнейших хлопот. Другими словами, разрешение ряда конфликтов возможно, когда позиция эго совпадает с чувственной установкой или в случае их примирения. Если же они несовместимы, и эго отказывается «уступить», тогда ситуация остается неразрешимой. Такова клиническая картина невротического конфликта, и такова история жизни Кафки.

Так, например, в июле 1913 года Кафка составил «перечень всего того, что говорит "за" и «против» моей женитьбы»:

- 1. Неспособность одному выносить жизнь... Союз с Ф. придаст мне сопротивляемости.*
- 2. Все заставляет меня раздумывать. Шутка в юмористической газете, воспоминание о Флобере или Грильпарцере, вид ночных сорочек на приготовленных для сна постелях родителей, женитьба Макса.*
- 3. Я много времени должен быть один. Все, что я сделал, единственно, плод одиночества.*
- 4. Я ненавижу все, что не имеет отношения к литературе, мне скучно вести посторонние разговоры, скучно ходить в гости, горести и радости родственников надоели мне до смерти. Эти разговоры с ними лишают мои мысли важности, серьезности, истинности.*
- 5. Страх перед соединением, слиянием. После этого я никогда больше не смогу быть один.*
- 6. Перед моими сестрами я часто был совсем иным человеком, нежели перед другими людьми, особенно раньше бывал" так. Бесстрашным, откровенным, сильным, неожиданным, таким одержимым, каким бывал только тогда, когда писал. Если бы я смог, благодаря жене, быть таким перед всеми! Но не будет ли это за счет писания? Только не это, только не это!*
- 7. Живи я один, я, может быть, когда-нибудь действительно мог бы отказаться от службы. Женатый, я никогда не смогу этого сделать. [Д1 292-293]*

Благодаря этому перечню раскрываются многие особенности Кафки: всепроникающая амбивалентность, отношение к сексу (пугливое),

беспокойство о своем писательстве и т.д. В дальнейшем эти вопросы будут рассмотрены более подробно, а пока мне хотелось бы указать на несоответствие между эго — идеалом Кафки в пользу женитьбы, и его наглядными чувствами по этому поводу. С учетом вышесказанного, на вопрос «Что вы хотите?» он мог бы дать однозначный ответ «Жениться», тогда как на вопрос «Что хотите вы?» он мог бы дать столь же определенный ответ: «Не жениться.»

Эта ситуация не поддастся решению на уровне эго. Точно так же, как нам необходима связь с другими, чтобы больше узнать о себе, мы нуждаемся в помощи зеркала бессознательного, чтобы объективно отражать, кем (или вернее чем) мы, в действительности являемся.

Подчеркивая различие между познанием эго и познанием самости (личности в целом), Юнг приводит высказывание алхимика Герхарда Дорна: *«Никто не сможет познать себя, пока не узнает, чем, а не кем, он является.»* В связи с этим Юнг делает следующее замечание:

*«Различие между «кто» и «что» имеет важное значение: «кто» носит личный характер и относиться к эго, тогда как «что» нейтрально и вызывает представление о психике, как о неизвестном, беспристрастном объекте, предмете, который все еще требует своего изучения.»*⁴⁰

Другими словами, так называемое «самопознание» не адекватно в силу своей субъективности и поэтому обычно покрыто «слепыми пятнами»

(комплексами). Действительно, объективное самопознание возникает, когда внимание обращено на установку бессознательного, например, в том виде, в каком оно фигурирует в снах.

Вообще говоря, Кафку определенно интересовали сны. Для его произведений характерна призрачность сновидений, и существуют свидетельства о том, что некоторые из своих снов он включал в измененном виде в свои рассказы.⁴¹

Однако о психологии, вообще, и фрейдовском психоанализе, в частности, он был невысокого мнения. *«Занятия психоанализом не доставляют удовольствия»,* — писал он, — *«и я стараюсь держаться от него в стороне.»*⁴²

На терапевтические претензии психоанализа он смотрел как на *«бесплодное заблуждение»*.⁴³ Слишком много психологии «вызывало у него тошноту», и тогда он говорил: *«Больше никакой психологии.»*⁴⁴ В шутку Кафка сравнивал любителя психологии с хорошим бегуном, который «за короткое время, двигался любыми зигзагами, может преодолевать такие расстояния, какие он не сможет преодолеть в других областях. От такого зрелища глаза переполняются слезами».⁴⁵ Психология, как отмечал Кафка, — это нетерпение,⁴⁶ а нетерпение было для Кафки главным грехом: *«Из-за нетерпения нас изгнали из рая... из-за нетерпеливости мы вернуться не можем.»*⁴⁷

Такое стойкое сопротивление по отношению к «психологии» свидетельствует о бессознательной потребности в ней. Другими словами, нечто бессознательное настоятельно требует признания, однако испуганное эго приводит логически обоснованные доводы в оправдание необходимости держать подальше от себя неизвестное вместо того, чтобы отказаться от

иллюзии, что ты «хозяин в своем доме.» В результате этого, в такой ситуации, как у Кафки, происходит укрепление установки эго, причем возможность каких-либо изменений становится минимальной.

Вследствие антипатии к тому, что было ему известно о психологии и психоанализе, Кафка никогда не принимал всерьез свои сновидения, как источник информации о себе. *«Почти невозможно уснуть, — пишет он в февраля 1922 года», — «Измучен сновидениями (обычная жалоба), словно их выцарапывают на мне, как на неподатливом материале.»*⁴⁸ [Д2 218]

Отсюда можно заключить, что бессознательное старалось привлечь к себе внимание, но он «упорно» не обращал на него никакого внимания. Это отношение нашло ясное выражение в дневниковой записи, сделанной еще в октябре 1911 года: *«Когда я просыпаюсь, меня обступают все сновидения, но я принимаю меры, чтобы не размышлять о них.»* [Д1 74] Благодаря такому отношению Кафка оказывается в обществе Парсифаля, героя легенды о Граале, который был настолько охвачен чувством благоговения при первой встрече со Святым Граалем, что не смог задать нужные вопросы: *«Какое отношение имеет это ко мне? Что это означает для меня?»* Задавать такие вопросы значит активизировать чувственную функцию в противоположность погружению в эмоцию. Вследствие эмоционального оцепенения Парсифаля Грааль (вместе с замком) исчез и Парсифалю пришлось провести долгие годы в скитаниях по лесам (бессознательному) прежде, чем он нашел Грааль, задал нужные вопросы, и исцелил раненого короля-рыбака. В этой и многих других легендах старый или раненый король выполняет функцию психологического аналога доминирующей установки сознания, сознания, которая нуждается в обновлении, поскольку больше не выполняет свою задачу, не соответствует определенной жизненной ситуации.⁴⁹

На основании вышесказанного можно заключить, что сознательная установка Кафки была «ранена», причем его рана проявлялась в нерешительности и неспособности разрешать свои конфликты. Потенциальным источником обновления могли оказаться сновидения.

Важность сновидений заключается в том, что они являются независимым, спонтанным порождением бессознательного. Таким образом, содержащаяся в них информация служит для компенсации вообще односторонних установок сознания. *«Компенсация», — пишет Юнг, — «означает уравнивание, выравнивание, дополнение.»*⁵⁰ В психике индивида сновидения выполняют компенсаторную функцию, обнажая стороны личности, которые обычно остаются неосознанными. Они вскрывают бессознательные мотивации, присутствующие в отношениях, открывают новые точки зрения и способы разрешения конфликтных ситуаций.

Среди опубликованных сновидений Кафки существует одно, которое имеет отношение к Фелиции Бауэр. С помощью методического анализа этого сновидения мы можем многое узнать о психологии Кафки и объяснить безвыходное положение, в котором оказались их отношения. 13 февраля 1914 года, через три месяца после их первой официальной помолвки, делает в дневнике следующую запись:

«В Берлине, направляясь по улицам к ее дому, я буду спокоен и счастлив от сознания того, что, хотя я еще и не пришел к ее дому, возможность сделать это существует; я обязательно приду туда. Я вижу улицы, на белом доме вывеска «Великолепие Севера» (я видел такое объявление во вчерашней газете); в моем сновидении к нему добавлено «Берлин В». Спрашиваю дорогу у приветливого, красноносого полицейского, одетого по этому случаю в ливрею дворецкого. Получаю слишком подробные указания, он даже указывает на ограду небольшого парка, за которую я должен держаться для безопасности, когда буду проходить мимо него. Затем он рассказывает мне о троллейбусе, метро и т.д. Я больше не могу слушать его и испуганно спрашиваю, вполне сознавая, что недооцениваю расстояние: «Это займет около получаса?» По старик отвечает, «Я могу дойти туда за шесть минут.» Какая радость! Какой-то человек, тень, спутник всегда находится рядом со мной. В действительности у меня нет времени, чтобы обернуться, свернуть в сторону.» [Д2 19]

В Берлине жила Фелиция. «Белый дом» означает освобождение, спасение, чистоту брачных одежд. В алхимии лунная белизна — это альбеда, которое ассоциируется с духом и Королевой, в противоположность красному Королю. Кроме того, белое связано со снегом, одним из «Великолепий Севера». Север имеет дополнительные оттенки значений, такие как темнота, холод, зима, смерть и ночь. В германском фольклоре это обитель богов. В кельтской мифологии, — это место, где белая Богиня Луны заточила мертвых солнечных королей.

Полицейский — символ власти; дворецкий — слуга. Здесь обе фигуры слиты в один объект насмешек. Нос обычно символизирует интуицию. Кроме того, нос соотносится с мужским началом, поскольку своей формой напоминает фаллос, поскольку своей формой напоминает фаллос. В данном случае нос красный, а это значит не только эмоциональный накал, но и разрушительное действие алкоголя, который является в определенном смысле духом или Логосом и соответствует мышлению. Таким образом, красный нос означает как определенный дефект мужского начала (искажение, вызванное эмоцией), так и деформацию интуиции в силу гипертрофии мышления.

«Слишком подробные указания» вызывают в памяти заботу матери о своем ребенке. Поэтому полицейский-дворецкий, как воплощение власти, едва ли заслуживает доверия. В сновидении он выступает в качестве слуги Великой Матери, может быть, в качестве евнуха во дворце Богини Луны, и тогда красный нос соотносится с холодом, севером, зимой и т.д.

На основании подробных указаний полицейского также можно заключить, что понадобится вечность, чтобы найти «дорогу». (Кафка: «Правильная дорога..., по-видимому, предназначена для того, чтобы заставить людей спотыкаться, а не для того, чтобы по ней ходили.»⁵¹) В то же время, старик говорит, что он может сделать это за шесть минут. Число шесть обычно относится к проблемам соотношений таких, как Печать Соломона, в которой соединены «женский» треугольник с вершиной, обращенной вниз, и

«мужской» треугольник с вершиной, обращенной вверх. Кроме того, через творение мироздания за шесть дней оно соотносится с областью испытаний и деятельности.

В сновидениях, мифах и сказках «тень как спутник» ассоциируется с бессознательным, другой стороной личности, другом и союзником, на которого главный герой (или героиня) не обращает внимания и поэтому подвергается опасности, ибо этот спутник служит ключом к спасению или успеху. В вавилонском Эпосе о Гильгамеше, эту роль играет Энкиду (на две трети животное и одну треть человека), который помогает Гильгамешу (на одну треть человек и на две трети божество) в его борьбе с Великой Матерью Иштар. Вместе эти два героя образуют единое целое (в равной степени животное, человек и божество).

В то время Кафку одолевали сомнения относительно привязанности к нему Фелиции. Через несколько дней после вышеупомянутого сновидения он делает в дневнике следующую запись: *«Меня нередко одолевают дурные предчувствия и страхи..., что любовь Ф. ко мне недостаточно сильна.»* — [Д2 25] В отличие от его осознанной нерешительности и неспособности действовать, сновидение выполняет компенсаторную функцию («Я еще не пришел к ее дому», но «я обязательно приду туда», (то есть женюсь на ней)), в случае попытки, так сказать, создать новый мир, а это может произойти только в результате изменения психологической установки.

И все же более важным представляется символизм, связанный с «Великолепием Севера» и полицейским-дворецким, поскольку здесь предполагается, что Кафка бессознательно представлял себе Фелицию, как нечто вроде Валькирии, пришедшей с севера, которая приведет его к смерти. Именно на этом базируется его неспособность связать себя обязательством, которое он ценил достаточно высоко: неосознанный страх перед пожирающей матерью. Это согласуется с приведенным у Густава Яноуха высказыванием Кафки, в котором женщины сравниваются с повсюду расставленными тенетами для мужчин. Это типичный страх дитя, за которым кроется неразрешенный материнский комплекс, характеризующийся регулярностью проявления в трудностях, связанных с межличностными обязательствами.

Как и в сновидении, намерения Кафки жениться терпели неудачу на начальной стадии, так как он терял направление. Полицейский-дворецкий персонифицирует его бесполезное мужское начало; вместо ясности указания полицейского-дворецкого вносят путаницу, поскольку уходят корнями в материнский комплекс. Проявленное им в сновидении доверие к полицейскому (посланец матери) свидетельствует о его неспособности действовать решительно, по-мужски, так как он не знает, что ему нужно. Действительно, данная ситуация аналогична ситуации в сказке «Царь Девица», в которой Баба Яга (ведьма) спрашивает героя: *«Дитя мое, по своей воле ты идешь или не по своей?»* В этой связи фон Франц делает следующее замечание:

«Это — уловка анимуса пожирающей матери... уловка материнского

*комплекса, которая заключается в том, чтобы задать философский вопрос именно в тот момент, когда необходимо действовать.»***52**

В случае Кафки, вместо совершения поступка составляется бесконечный перечень всех «за» и «против» женитьбы. (В сказке реакция героя вполне адекватна ситуации: *«Заткнись и приготовь поесть!»*)

Интересно отметить, что в сновидениях он может получать помощь в решении своей дилеммы (конфликта) немедленно — от «теневого спутника», который идет рядом с ним. Что ему нужно? Знает ли он дорогу? С психологической точки зрения, тень персонифицирует все положительные и отрицательные свойства, которые не содержатся в сознании. Ассимилируя эти свойства, дитя может лишиться силы материнский комплекс, у которого он находится в рабстве.

Увы! У Кафки «нет времени, чтобы обернуться, свернуть в сторону. Виной всему — нетерпеливость, которую он сам называл «главным грехом». Он не размышляет о смысле сновидений и не задает решающий вопрос: «Что это значит для меня?»

* * *

В своих комментариях к психологии конфликтных ситуаций Юнг любил упоминать о буридановом осле, который умер от голода, находясь между двумя стогами сена, потому что не смог сделать выбор. (Умирание от голода — этот образ адекватно передаст ощущение оторванности от жизни, характерное для стенаний Кафки, и блестяще исследованное им в «Художнике Голода».) В «Двух Эссе» Юнг пишет:

«Важно не то, какой из стогов сена лучше, справа или слева, и не то, какой из них следует начать есть первым, а то, что в глубине души он хотел узнать, какой из стогов подтолкнет его к себе? Осел хотел, чтобы объект сам принял за него решение. [Кафка «Я останусь один, если в конечном счете Ф. не возьмет меня» [Д218]]

*Что же, в данный момент и в данном индивиду, представляет естественное стремление к жизни? Вот в чем вопрос »***53**

В случае конфликта между службой и писательством Кафки ответ, как представляется, может быть однозначен. *«Нетрудно заметить, что все мои силы сосредоточены на писательстве»,* — отмечает он в январе 1912 года, — *«и мешает этому теперь служба, причем мешает капитально.»* [Д1 211]. И тем не менее он продолжает работать и жаловаться. Что же в таком случае ему действительно нужно?

Телеологическое из объяснение, почему Кафка не выходил из тупика, можно найти у Юнга, в одном первых упоминаний о буридановом осле. *«Я часто привожу этот пример своим пациентам, — говорит Юнг в «Семинарах по Видению», — и вы можете понять почему.»*

«В чем же заключается действительная причина столь странного поведения осла?.. В том, что он не хотел ни того, ни другого, для него существовало нечто более важное. Что это было?

Ответ Смерть

*Д-р Юнг: совершенно верно поэтому он и умер. Совершил самоубийство.»***54**

Точно также и в Кафке что-то (самость?) стремилось к смерти — разумеется не к физической смерти, а смерти его эго-установки. Как писал Гете, «Природа требует смерти.»⁵⁵ Ибо смерть, не соответствующая эго-установка («старого или раненого короля»), — это необходимое условие обновления, изменения.

«Реальное решение (конфликтной ситуации)», — пишет Юнг, — «приходит только изнутри, и только потому, что пациент пришел к другой установке.»⁵⁶ Конфликты должны разрешаться на уровне характера при достаточном учете «противоположностей», а это в свою очередь возможно только путем изменения характера... В таких случаях внешнее решение хуже, чем отсутствие решений.»⁵⁷

«Только то, что действительно является самим собой», — пишет Юнг, — «может исцелить.»⁵⁸ Это можно выяснить, только поддерживая напряжение между противоположностями, пока не проявится нечто третье, логически не предопределенное, совершенно неожиданное (третьего не дано). Это «третье» (названное Юнгом «трансцендентной функцией») представляет собой творческое вмешательство и руководство со стороны самости, архетипа целостности, который функционирует в психическом, как саморегулирующийся центр.

В таком случае без фундаментального изменения установки конфликты Кафки неразрешимы по сути. Изначально они возникают в результате несоответствия между идеалами эго и ограничениями личности. С психологической точки зрения, такие конфликты свидетельствуют о наличии раскола между эго и тенью, причем такой раскол остается непреодолимым до тех пор, пока конфликт противоположностей существует на уровне сознания. Разумеется, Кафка знал и это. «Костистая структура его лба преграждает ему путь», — говорится в одном из его афоризмов, — «он разбивается в кровь о свой лоб.»⁵⁰

Напряжение, связанное с конфликтом между эго и тенью, обычно переживается как нечто похожее на распятие на кресте. Оно символизирует страдание, связанное с дифференциацией противоположностей, и обретением способности жить с этими противоположностями. В данной связи Юнг делает следующее замечание:

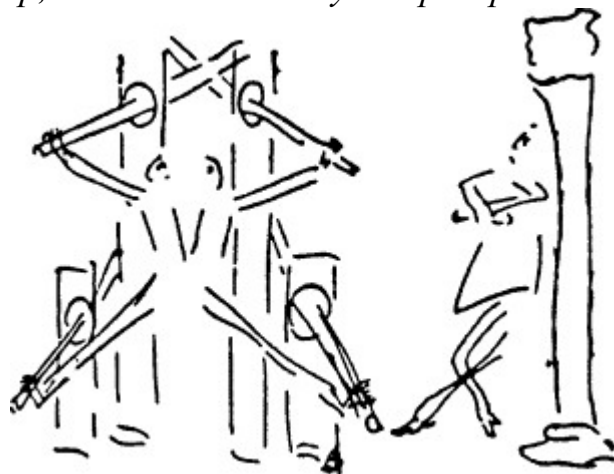
«Каждый, кто оказался на пути к целостности, неизбежно оказывается как бы в подвешенном состоянии, что и составляет смысл распятия на кресте. Ибо он неминуемо натывается на вещи, которые препятствуют его продвижению, «распинают» его. К таким вещам относятся: во-первых, то, чем он не хочет быть (тень);

во-вторых, то, чем он не является («другой», отдельная реальность «Ты»); и, в-третьих, его психическое не-его (коллективное бессознательное)».⁶⁰

У Кафки были свои, неповторимые способы описания такого состояния. Например, он отправил Милене рисунок, сопроводив его следующими пояснениями:

«К настоящему письму прилагаю рисунок, чтобы ты смогла получить представление о некоторых моих «занятиях». Установлены четыре столба.

Через два средних столба проходят брусья, к которым крепятся руки «преступника»; через два внешних столба проходят брусья для крепления ног. Привязав таким образом человека, брусья начинают медленно разводиться до тех пор, пока человек не будет разорван посередине.»⁶¹

В одном из прозаических фрагментов этот мотив звучит в более интеллектуальной аранжировке:

«Он — свободен и надежно защищенный гражданин мира, ибо он прикован к цепи, достаточно длинной, чтобы обеспечить ему свободу перемещения по всему земному пространству, и все же недостаточно длинной, чтобы его можно было утащить за пределы этого мира. В то же время, он — свободный и надежно защищенный гражданин неба, ибо он прикован еще и небесной цепью аналогичной конструкции. Так что, если он наклоняет голову к земле, его начинает душить небесный ошейник, а если он поднимает голову к небу, тогда его душит ошейник земной.»⁶²

Эти образы замечательно передают то, как конфликт может разорвать индивида пополам. С экзистенциальной точки зрения, переживание неотделимо от страдания. С телеологической точки зрения, на языке процесса индивидуации (термин Юнга) осознание конфликта обеспечивает возможность роста, преодоления раскола между эго и тенью.

Жизнь всегда связана со столкновением конфликтующих обязательств. Понимание и признание конфликта, как неизбежной жизненной материи, является, как ни парадоксально, единственным спасением от креста. Для Кафки, как и для всякого другого, скованного, с одной стороны, христовыми идеалами, а с другой неотвратимыми обстоятельствами физического существования, само решение неизбежно связано со смирением и признанием ограниченности эго. Действительно, крест, символ распятия (и воскресения), является еще и разновидностью мандалы, кватерностью, символизирующей целостность.⁶³

На практике разрыв между эго и тенью смягчается благодаря развитию чувственной функции, ибо чувство определяет ценность противоположностей, связанных с конфликтной ситуацией. Процесс дифференциации и оценки противоположностей идет рука об руку с гармоническим взаимодействием принципов мужского и женского (максулинности и феминности которые, будучи полярно

противоположными, одновременно являются взаимодополняющими. Дальнейшее функционирование мужского эго без взаимодействия с женским началом (персонификацией которого служит анима, внутренний визав мужчины) неизбежно приводит к расстройству и разочарованию в результате притупления, заострения сознания. В этой связи представляется поучительной древняя книга китайской мудрости «И.Цзин» («Книга перемен»). *«Если незаурядный человек возьмется за какое-нибудь дело и попытается возглавить его»*, — говорится в Гексаграмме 2 («Восприимчивый»), — *«он может сбиться с пути. Если же он будет следовать за кем-то, чему-то, обретет руководство.»*⁶⁴ Это означает, что человек должен руководствоваться своими чувствами.

В «Книге перемен» (пер. Ю.К.Шуцкий) эта гексаграмма называется «Кунь. Исполнение»

Таким образом, осознавая свои чувства, следуя их указаниям, человек отделяет аниму от тени (то есть отделяет ее от остального содержания бессознательного). В то же время, он не должен слепо подчиняться чувствам и терять контроль. Поэтому, прежде чем следовать указаниям своих чувств, он должен ясно осознать позицию своего эго, то есть должен знать, где он находится.

Необходимо снова вступить в диалог с «другой стороной», под которой в данном случае следует понимать настроения и эмоции. Процесс активного сосредоточения на своем переживании позволяет человеку отделять себя от коллективного и таким образом обнаружить бесценные элементы своей сущности. Цель процесса индивидуации заключается не в преодолении психологии индивидуума, а в ознакомлении с ней, что приводит к изменению отношения к себе и другим.

Этот процесс играет важную роль в «оплодотворении» анимы. И точно так же, как в действительности не каждый акт соития приводит к рождению ребенка, так и аниму необходимо время от времени «насиловать» прежде, чем она сможет зачать. В своем чреве она носит новое, долгожданное отношение. (В сновидениях это новое отношение, «опытное осознание» нередко символизирует фигура анимы, которая действительно даст рождение ребенку — вторжение в сознание дотопле не осознанного содержания.)

В случае Кафки, несмотря на порой мучительный самоанализ, ему не удалось проникнуть вглубь и он оставался на поверхности. У его анимы, внутренней женщины, легко менялось настроение; она оставалась капризной, отражаясь в переживаниях Кафки, как *«Увы! Не смерть, а бесконечные муки умирания.»* [Д2 77] Он не обращал никакого внимания на свою тень, потенциальный источник помощи.

С психологической точки зрения Кафку можно считать наивным в том смысле, что он не принимал всерьез бессознательное. В такой ситуации, без «Архимедовой точки», позволяющей объективно взглянуть на себя, его конфликты были обречены оставаться в области рассудка и, следовательно, оставаться неразрешенными. В результате этого большую часть своей жизни Кафка находился во власти своих комплексов. Комплексы властвовали над

ним потому, что ему не удалось установить с ними связь, определенную сознательной позицией мужского эго.

С другой стороны, Кафка обладал сосудом, вместилищем, которого недостает многим невротикам. Под сосудом я подразумеваю способность хранить в себе свои конфликты. Кафка не рассказывал окружающим о своих страданиях, то есть выражаясь языком групповой психотерапии, он не «вывешивал все наружу».

От Макса Брода мы знаем, что Кафка никогда не говорил окружающим о своих переживаниях. У Брода мы встречаем следующую характеристику различия между Кафкой, каким его знали друзья, и представлением о Кафке, полученном на основе его произведений:

«Я нередко замечал, что у поклонников Кафки, знавших его только по произведениям, было совершенно неверное представление о нем. Они считали, что в обществе он производил на окружающих гнетущее впечатление. Дело обстояло как раз наоборот. Благодаря богатству мыслей, которыми он всегда охотно делился, Кафка был одним из самых интересных людей, которых мне доводилось встречать в своей жизни, и это несмотря на его застенчивость... У него была увлекающая натура. Мы часто шутили и смеялись. Он любил посмеяться и умел рассмешить друзей... Он был замечательным другом и всегда был готов прийти на помощь. И лишь оставаясь наедине с собой, он испытывал чувство растерянности и беспомощности, о которых, благодаря его самоконтролю, окружающие могли догадываться крайне редко. Дневник Кафки, несомненно, производит глубокое впечатление. Одна из причин, побудивших меня написать эти мемуары, заключается в том, что на основании его книг, и в первую очередь дневников, может возникнуть совершенно иная, более гнетущая картина, чем в том случае, когда будут внесены коррективы и дополнения человека, жившего с ним бок о бок долгое время.»⁶⁵

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что, несмотря на внутреннее напряжение, Кафка был сдержанным человеком. «Он страдал», — как написал Брод в другом месте, — «и хранил молчание.» Эту особенность характера Кафки Брод считал «роковым недостатком в его жизни.»⁶⁶ Напротив, по моему мнению это была спасительная благодать. Если обратиться к алхимии, то в качестве аналогии можно использовать «вас херметис», то есть герметичный сосуд, который необходимо держать закрытым, для преобразования содержимого под воздействием тепла. С психологической точки зрения это означает, что необходимо избегать рассеивания тепла внутреннего огня путем эмоционального отреагирования во внешней среде, причем не следует загрязнять среду навязыванием своего бессознательного другим людям, включая проекции.

Этот принцип используется в анализе, когда речь идет о почитании так называемого теменос, которое в греческом языке означает «священное место» и употребляется для описания священного характера взаимоотношений, возникающих между аналитиком и анализируемым. В аналитическом отношении теменос как вместилище — это место, где боги

могут развлекаться в атмосфере взаимного доверия и уважения. В принципе, это место недоступно для посторонних и защищено от нарушающих покой воздействий внешнего, профанического мира. (В психологическом отношении эту функцию выполняет врачевная Клятва Гиппократата.)

В несколько ином смысле, но с аналогичным эффектом, как мне кажется, функцию вместилища у Кафки выполняли его произведения и особенно дневники. Возможно, литературная работа в случае Кафки выполняла преимущественно терапевтическую функцию; она была той средой, которой Кафка придавал конкретную форму своим затруднениям и, таким образом, получил некоторую возможность видеть их в несколько ином свете. В пользу этого мнения говорят та неохота, с которой он давал согласие на издание своих произведений при жизни, а также тот факт, что он оставил распоряжение уничтожить все свои рукописи. *«Моя последняя просьба, — писал Кафка Макс Броду, — заключается в том, чтобы без прочтения было немедленно сожжены все рукописи, которые могут остаться после меня (и книжных шкафах и ящиках стола, в моей квартире и офисе, а также в других местах), все записи в записных книжках и рукописях, на отдельных листах и в письмах, как моих собственных, так и принадлежащих другим лицам, а также все законченные работы или наброски, которые находятся в вашем распоряжении или могут быть получены вами от моего имени.»*⁶⁷

В данном случае меня интересует не то, почему Макс Брод пренебрег столь очевидным указанием, а то, почему Кафка дал его. По моему мнению, в нем воплощено определенное, хотя и бессознательное побуждение защищать свои личностный теменос даже после своей смерти.

В своем сосуде, персональном теменосе, Кафка томился большую часть своей жизни. Несмотря на то, что на сознательном уровне Кафке не удавалось разрешить свои конфликты, он все же поддерживал напряжение и не уступал. Другими словами, он не отказывался от сочинительства и, в то же время, не отрекался от своих высоких идеалов «жизни в обществе». Он не прибег к самоубийству, хотя несколько раз и заигрывал с этой мыслью, но каждый раз сопротивляясь ей, поскольку *«оставаясь живым, я был вынужден отрывать от писательства меньше... нежели умирая.»*⁶⁸

На ум приходит следующее замечание Ницше: *«Единственное, что может подтвердить наличие достоинства — это способность продержаться до конца.»*⁶⁹ Юнг выразил эту мысль другими словами:

*«Опус [процесс индивидуации] состоит из трех частей: озарение, стойкость и действие. Психология нужна только в первой части, тогда как во второй и третьей части основная роль отводится моральной силе.»*⁷⁰

«Озарение, стойкость и действие.» У Кафки было много озарений, да и стойкость у него была замечательной, но он не был способен действовать. Однако многие друзья и коллеги Кафки свидетельствуют о его моральной силе, которая в конечном счете помогла ему поддерживать напряжение, порождаемое конфликтами, до тех пор, пока в его установке не произошло изменение. Это обстоятельство позволило осуществить коренной перелом в

жизни Кафки. С психологической точки зрения «третье» (то есть трансцендентная функция) в конечном счете действительно проявилось. По мнению Юнга это был «субъективный опыт... религиозного порядка»,⁷¹ «опыт переживания нуминозума»,⁷² «автономное психическое событие.»⁷³ Следует отметить, что указанное событие произошло лишь в конце короткой жизни Кафки. А тем временем он продолжал повседневную, упорную борьбу, стремясь примирить требования своего внутреннего мира с желанием вести более «продуктивную» жизнь в реальном мире повседневного существования. И если напряжение между противоположностями у Кафки можно ретроспективно рассматривать в качестве стимула к созданию некоторых из его лучших произведений, то при жизни это было для него слабым утешением. В сентябре 1917 года Кафка делает следующую запись в дневнике:

«Для меня всегда непостижимо, что почти каждый, кто умеет писать, может объективировать свои страдания, непосредственно подвергаясь им, что я, к примеру, могу в несчастье, может быть, с еще пылающей от боли и переживания головой сесть и кому-то письменно сообщить: я несчастен. Боолее того, я могу даже с различными вывертами, в зависимости от дарования, которому словно дела нет до несчастья, фантазировать на эту тему просто, или усложненно, или с целым оркестром ассоциаций. И это вовсе не ложь и не успокаивает боли.» [Д2 184]

2. Хтоническая* тень

С клинической точки зрения состояние Кафки можно охарактеризовать как невротическую депрессию. Наряду с прочими симптомами у него наблюдались: подавленное состояние духа, нерешительность, противоречивость, амбивалентность, вялость, бессонница, хроническая головная боль. В дневниковой записи за октябрь 1921 года, когда Кафке было 38 лет, содержится следующее описание его ощущений:

«Я не верю, будто есть люди, чье внутреннее состояние подобно моему, тем не менее я могу представить себе таких людей, но чтобы вокруг их головы все время летал, как вокруг моей, незримый ворон, этого я себе даже и представить не могу.» [Д2 195]

В алхимии ворон символизируется негрето, которое в психологическом отношении соответствует тени или, точнее, встрече с тенью, которая на начальной стадии проявляется в виде депрессии. Согласно одному алхимическому тексту: «Принцип искусства — это ворон, который летает без крыльев во мраке ночи и сиянии дня.»⁷⁴ В этой связи Юнг делает следующее замечание:

«Алхимики называли свое нигредо меланхолией, «чернотой, которая чернее всего черного», ночью, душевным недугом, смятением и т.д., или конкретнее, «черным вороном.»»⁷⁵

Ворон алхимиков «летает без крыльев», и поэтому, в некотором смысле, приземлен. У Кафки ворон машет крыльями (возможно, чтобы привлечь к

себе внимание) и всегда летает над землей. В таком случае образ «незримого ворона» свидетельствует о том, что хтоническая тень (часть психики человека, коренящаяся в земном и черпающая оттуда новые силы), которая должна возвращать его на землю, парит над землей.

Аналогическое заключение можно сделать при рассмотрении сна, который приснился Кафке, когда ему было 28 лет:

«Сегодня мне приснился осел, который походил на борзую. Он двигался с большой осторожностью. Я внимательно присмотрелся к нему, потому что понимал нею необычность этого явления, но запомнил лишь его узкие человеческие ступни, которые не понравились мне из-за своей длины и бесформенности. Я протянул Хтоническая (от греч. хтонос - земля) – стихийный, хаотический ему кипарисовую ветку со свежими темно-зелеными листьями, которую мне преподнесла пожилая цюрихская дама (это происходило в Цюрихе), но он не взял ветку, а только понюхал. Однако когда я положил ветку на стол, осел с жадностью съел ее, оставив лишь сердцевину похожую на каштан. Позже я слышал разговор, что никто не видел, как этот осел ходил на всех четырех ногах. Он ходил прямо, как человек, и демонстрировал свою серебристую блестящую грудь и брюшко.» [Д1 119].

Известно, что осел символизирует сладострастие. В качестве спутника Диониса он ассоциируется с дионисийским экстазом, сексуальностью и опьянением. В египетской религии осел являлся символом бога Сета, который персонифицировал жажду убийства, ложь и жестокость, то есть преимущественно зло, в противоположность великому бого-человеку Озирису. В астрологии осел ассоциируется с Сатурном и, как полагают, обладает качествами этой планеты: импульсивностью, творческой депрессией, отчаянием, медлительностью, страданием, заточением, беспомощностью, бесчеловечностью.⁷⁶

С другой стороны, благодаря первоначальному отождествлению Христа с Дионисом, а также в связи с тем, что Он въехал на осле в Иерусалим, осел ассоциируется с Христом. Кроме того, осел был свидетелем рождения Христа. Поэтому в Средние Века в Христианстве осел рассматривался, как вьючное животное.

Таким образом, осел является сложным символом, ориентированным как вверх, на христову природу человека, так и вниз, на его хтонический, земной, половой инстинкт.

В данном случае, однако, мы имеем дело с ослом, похожим на борзую, поджарую собаку, которая в стремительном беге едва касается земли. В течение семи тысяч борзых разводили из-за их скоростных качеств. Царь Соломон отзывался о борзых, как о животных, которые «прекрасно бегают и сами прекрасны в беге.» Их обучали преследованию дичи (шакалов, газелей, зайцев) по Египетской пустыне до полного изнеможения жертвы. Загнав добычу, борзые валили ее наземь. Один автор написал в четырнадцатом веке, что у борзой «голова должна быть как у змеи, лапы — как у кошки, хвост — как у крысы.» К борзым предъявлялось только одно требование - скорость,

поскольку они не выслеживали добычу, а преследовали ее, держа в поле зрения.⁷⁷

Из вышесказанного можно заключить, что хроническое влечение, символизируемое ослом, представляется нам слишком невещественным, призрачным, чрезмерно одухотворенным. Другими словами, там, где должна царить плоть, присутствует слишком много духа.

Наличие у осла-борзой «узких человеческих ступней» свидетельствует о гуманизации инстинкта. В определенный момент это становится необходимым и уместным. При этом следует иметь в виду, что «укротить» инстинкт надлежащим образом можно, только приняв его вначале таким, каким он и является в действительности: голозадым, упрямым и тупым. Именно таким предстает Луций в «Золотом Осле» Апулея, когда он должен изжить свою ослиную природу (страсть, вождление) и лишь затем преобразиться, отведав роз Изиды. В нашем случае, однако, осел *«никогда не ходил на всех четырех ногах. Он ходил прямо, как человек...»* Это свидетельствует о том, что сновидец не признавал животное начало, символизируемое ослом. Его «серебристая блестящая грудь» указывает на определенную феминизацию инстинкта, которая совершенно неуместна в мужчине. С психологической точки зрения это свидетельствует о «загрязнении» тени и анимы.

Осел-борзая — это существо, которое невозможно встретить в реальном мире. По мнению фон Франц, такие, встречающиеся в сновидениях ублюдочные разновидности животных свидетельствуют о том, что в данном случае речь идет не об инстинктивном побуждении, стремящемся к своему проявлению, а о содержании, которое по существу является символическим и недоступным сознанию:

«В тех случаях, когда бессознательное стремится выявить психологическое содержание, которое далеко отстоит от сознания и может быть представлено только в виде сложного соединения (микстум композитум) многих животных влечений..., тогда мы имеем дело с содержанием, для которого у сознания пока отсутствует соответствующий орган восприятия.»⁷⁸

Это означает, что в данном случае сознание ассимилирует не половое влечение как таковое, а символическое значение «совпадения противоположностей», представленных в виде осла и борзой. Другими словами, здесь речь идет о загрязнении тела и духа.

Кипарис — это кладбищенское дерево, символизирующее смерть и скорбь. Благодаря вечнозеленой листве и химически инертной смоле кипарис также считается символом воскресения (возрождения, жизни после смерти). Другими словами, этот символ (как надгробной плитой), обозначается как смерть, так и вечная жизнь. В древнем Китае считалось, что, поедая зерна кипариса, можно обрести долголетие, поскольку они богаты субстанцией янь (мужское начало).⁷⁹

В сновидениях это получает ветку со свежими зелеными листьями от *«пожилой цюрихской дамы.»* Возможно, это связано с какой-то реальной

встречей (поскольку за два месяца до указанного сновидения Кафка побывал в Цюрихе), но в данном случае этот образ символизирует содержание мужской психики в виде «мудрой старухи» или, в широком смысле «мудрости природы.»⁸⁰ Ей известно, что хтонический осел нуждается в пище (для компенсации сознательной аскетической установки), ибо подобно Валаамовой ослице в Ветхом Завете, которая видела ангела в то время, как Валаам не видел его, это хтоническое животное влечение обладает интеллектом, который не только ценен сам по себе, но и служит дополнением к сознательному интеллекту (Числа 22:23).

В сновидении осел отказывается от еды, когда за ним наблюдают. Точно так же и инстинкт может перестать функционировать в случае пристального наблюдения за ним. В первую очередь это соображение применимо к половому и может возникать на основе пристального самоанализа (который приводит к самосознанию). Создастся впечатление, что природа восстает против эго переступившего свои границы и присвоившего себе право на управление чем-то таким, что действительности является независимым. Между инстинктом и сознанием существует хрупкое равновесие, его можно легко нарушить. Как заметил Юнг: *«Гипертрофия животного начала портит цивилизованного человека, тогда как гипертрофия цивилизации делает больным животное.»*⁸¹

Осел, разумеется, голоден, поскольку, предоставленный сам себе, он «с жадностью съел» кипарисовые листья, оставив лишь *«сердцевину, похожую на каштан.»*

Сердцевину можно соотнести с сутью, центром, тайной жизни. В Средние Века орех рассматривался как образ Христа: подобно яйцу, он представлял скрытую антитипацию (предвосхищение) Самости. Здесь сходятся два аспекта образа осла: сексуальное либидо и символ Христа. Ибо помимо секса всегда остается нечто — либидо (то есть психическая энергия в широком смысле этого слова), которое стремится к проявлению в иной области, например, в религии или творчестве. Прожорливость осла свидетельствует о том, что его плохо кормили, а это неизбежно создает препятствия на пути реализации либо плотского, либо божественного аспекта инстинкта.

Каким образом это сновидение соотносится с Кафкой? Что оно может поведать о нем? Почему оно приснилось ему?

Безусловно, сатурнинские особенности, характерные для осла, относятся и к Кафке. Так, например, он испытывал влечение (нам известно, что его неудержимо влекло к сочинительству); он переживал состояние депрессии; он впадал в отчаяние, ощущал тяжесть и беспомощность; он страдал и воспринимал жизнь как заточение. Почему? Психологическая реальность такова, что независимо от величины, любой потенциал человека обращается против самого человека и становится отрицательным, если не реализуется в жизни. Очевидно, что с Кафкой дело обстояло именно таким образом: он подавлял свою «ослиную» натуру и не давал ей жить. Обратившись к аналогии с Буридановым ослом, можно сказать, что у осла Кафки сена вообще не было.

Известно, что поглощенность Кафки своим телом носила почти болезненный характер. В 1910 году, за семь лет до постановки диагноза туберкулезного заболевания, он пишет о чувстве безысходности, которое охватывает его при виде своего тела и при мысли о том, что произойдет с этим телом в будущем. [Д1 11]. В других дневниковых записях можно найти упоминания о «хилой груди», «слабом сердце», «дряхлости.» У него было ощущение, будто его тело «нашли в чулане». [Д1 14, 160, 162] Он постоянно беспокоится о своем здоровье, в его дневниках содержится солидный перечень различных недомоганий, включая запор, расстройство пищеварения, бессонницу, выпадение волос, а также искривление позвоночника. Макс Брод свидетельствует, что «каждый изъян в его теле причинял ему страдание, даже такой пустяк, как, например, перхоть или запор, или неправильная форма большого пальца ноги.»⁸²

Ипохондрия, как можно заметить, является компенсаторным симптомом, характерным для дитя — особенно для дитя с подчиненной функцией ощущения, как в случае Кафки — в том смысле, что она заставляет его обратить внимание на телесную реальность. С другой стороны, на карандашных рисунках Кафки (бессознательные каракули) нередко изображены высокие, тощие, довольно «грациозные» («ветреные») фигуры, которым недостает солидности, — обвинение, которое Кафка зачастую относил к самому себе.

Кафка был высоким и худощавым человеком — выше шести футов, и в 1922 году весил 55 килограммов. У него была приятная внешность, правильные черты лица, темные глаза и волосы. До самой смерти он сохранил моложавый вид; в сорок лет он выглядел так, будто ему едва исполнилось двадцать. Один из друзей Кафки упоминает о его «детской наивности.» (Обе эти характеристики указывают на наличие особенностей, характерных для психологии дитя.) Он был вегетарианцем, трезвенником, принимал холодный душ, совершал пешие прогулки, плавал, ездил верхом, всю жизнь проявлял интерес к здоровой диете и естественным средствам лечения. Тем не менее, он оставался болезненным и винил в этом только себя. Так, например, в октябре 1921 года он делает следующую запись в дневнике:

«Я не научился ничему полезному и зачах физически, а это взаимосвязано... Поразительно это систематическое саморазрушение в течение многих лет, оно было подобно медленно назревающему прорыву плотины — действие, полное умысла.» [Д2 194-195]

Рис 6

Следует отметить, что отношение Кафки к сексу было пуританским. *«Любовь всегда идет рядом с ней пристойностью, — говорил он Густаву Яноуху. — Только воля любимого человека может отделить любовь от непристойности.»*⁸³ Милене он писал: *«Я грязен, Мелена, бесконечно грязен. Вот почему я так беспокоюсь о чистоте.»*⁸⁴

Я уже упоминал об отношении Кафки к своим первым сексуальным переживаниями и приводил его замечательное высказывание о соитии: *«Коитус как кара счастье вместе.»* Макс Брод вспоминает, что Кафка *«никогда не рассказывал непристойных истории и не допускал, чтобы их рассказывали в его присутствии.»*⁸⁵ Существует следующая запись в дневнике за 1922 год, в которой чувство презрения к себе сочетается с чувством отвращения:

Рис 7

«Все, что он заслуживает — это грязная незнакомая старуха с дряблыми бедрами, которая мгновенно лишает его семени, забирает деньги и убегает в соседнюю комнату, где ее уже поджидает другой клиент. [Д2 227]

Раскол психики Кафки становится наиболее очевидным при сравнении его представлений о своем теле и сексе со слишком идеалистическим представлением о браке (*«Иметь... жену... значит... иметь Бога»*); он стремился к гиеротамии (hierogamos), священному браку (известному в алхимии под названием *mysterium coniunctionis* («мистическое» соединение полов)) без плотских элементов, которые являются неотъемлемой частью брака во внешнем мире. Это нашло отражение в его отношении к женщинам, носившим романтический характер и совершенно лишенным вожделения. Так, например, он пишет Милене: *«Мне нравится держать твою руку в своей руке, мне нравится смотреть в твои глаза, вот, пожалуйста, и все.»*⁸⁶

Из вышесказанного следует, что сновидение Кафки, в котором появляется осел/борзая, компенсирует сознательное нежелание принять свою земную, физическую, сексуальную, природу. Кафка был далек от реализации в переживании этой стороной своего существа. Более того, он даже не признавал се. Поэтому данное сновидение представляет собой попытку бессознательного восстановить нарушенное равновесие, обратив его внимание на реальное положение, то есть на чрезмерное одухотворение своей темной, хтонической природы. Обычно это происходит в тех случаях, когда жизнь протекает преимущественно в области рассудка, причем симптоматические телесные расстройства являются отнюдь не единственным возможным последствием. С психологической точки зрения при самой простой и общей постановке проблемы можно сказать, что создание Кафки находилось в противоречии с бессознательным.

Спустя пять лет Кафке приснился сон, в котором обе стороны оказались в состоянии войны:

«Две группы мужчин сражаются друг с другом. Группа, к которой принадлежу я, поймала одного противника, огромного обнаженного мужчину Пятеро из нас держат его один — за голову, по двое — за руки и ноги. К сожалению, не оказывается ножа, чтобы заколоть его, и мы быстро спрашиваем всех по кругу, нет ли ножа — ни у кого нет. Но так как почему-то нельзя терять времени, а поблизости стоит печь, необычайно большая чугунная дверка которой раскалена докрасна, мы подталкиваем к ней пленника, приближаем вплотную к дверце его ногу, пока она не начинает дымиться, затем отводим ее в сторону и даем остыть, чтобы потом снова приблизить к дверце. Так мы все время проделываем это, пока я не просыпаюсь не только в холодном поту, но и с лязгающими от страха зубами» [Д2 147-148]

«Две группы мужчин» представляют сознание и бессознательное, в отсутствии взаимного сотрудничества. В сновидении эго принадлежит сознанию, которое поймало «огромного обнаженного мужчину.» Его образ напоминает Энкиду, «природного человека», который был теневым спутником Гильгамеша и привел его на землю, чтобы отвоевать свою свободу у матери-богини Иштар. Число пять ассоциируется с сущностью человека (голова, 2 руки, 2 ноги), причем человеческая природа (природа Антропоса) гиганта подчеркивается положением пяти мужчин, которые держат его.

В мифологической традиции Антропос, как собирательный образ, выступает в виде космического гиганта, *prima materia* (первичная материя) мира и первооснова всех грядущих поколений людей. В древнеисландском эпосе Эдда, например, приводится описание процесса создания богами мира из тела гиганта Имира. В Китае первым космическим существом был Паньгу (карлик-гигант): когда он плакал, создавались реки; когда он дышал, зарождались ветры;

когда он умер, из его трупы возникали пять священных гор, а его глаза превратились в солнце и луну. В Индии предвечным существом был Пуруша,

а в Персии — божественный король Гайомарт.

С субъективной точки зрения Антропос символизирует внутреннее божество и связан с природой, творческой сущностью бессознательного и гармоническим взаимодействием противоположностей, особенно духа и матери.⁸⁷ Таким образом, Антропос олицетворяет первоначальное психическое единство, состояние целостности, утраченное (в истории человечества) филогенетически в результате цивилизации и роста уровня сознания, а также он онтогенетически (в жизни индивида) благодаря взрослению. Задача современного человека заключается в том, чтобы обрести единство без утраты сознания.

Пятеро мужчин ищут нож, чтобы заколоть гиганта. Нож считается традиционным оружием изменников. Кроме того, как фаллический символ, он олицетворяет агрессивное мужское начало. Благодаря наличию режущей кромки он символизирует способность различать и распознавать, также рациональную мысль, то есть позитивные аспекты мышления. Однако в данном случае использование ножа носит явно негативный характер, это акт предательства. С психологической точки зрения здесь имеется в виду рассудочное стремление уничтожить или отбросить теневую сторону с помощью интеллектуальной рационализации, теорий и умозрений (удерживая таким образом конфликты в области рассудка). Тот факт, что в сновидении не удастся найти нож, свидетельствует о недостатке мужественности. Кроме того, отсюда также следует, что сознание даже не признает существование данной проблемы. На другом уровне это может означать недопустимость «принесения в жертву» природного человека. Далее пятеро мужчин принимают решение использовать в качестве орудия пытки раскаленную докрасна Чугунную дверцу печи. Печь ассоциируется с чревом и матерью так, например, о беременной женщине говорят, что «в ее печи лежит булочка»; о недавно забеременевшей женщине — что «у нее в печи огонь»; у фригидной женщины «холодная печь»; о женщине, которая собирается рожать, замечают, что «у нее скоро осядет печь»; о ребенке-идиоте говорят, что он «недопечен». Юнг считает, что «огненная печь, подобная огненному треножнику в «Фаусте» — это материнский символ.» В библейской легенде о

Шадрах, Мешах, Абеднего, находившихся в печи, в принципе описана «магическая процедура рождения «четвертого».⁸⁸ С другой стороны, в сказке «Железная Печь» печь олицетворяет чарующую способность негативного женского начала (которое, тем не менее, в данном контексте играет положительную роль, если учесть телеологическую возможность воскресения; в этом случае Церковь употребляет термин *felix culpa*, счастливое преступление; например, «Ева съела яблоко»).

В кулинарии печь — это место, где осуществляется приготовление пищи из исходных компонентов. В алхимии печь эквивалентна плавильному тиглю, «*vas Hermetis*» (герметичный сосуд), в котором осуществляется трансформация первичной материи. Отсюда можно заключить о наличии у печи положительных возможностей, если в нее поместить гиганта,

персонифицирующего содержание бессознательного, которое считается потенциально доступным сознанию. Однако в рассматриваемом случае участников не интересует проблема трансформации, они просто поджаривают ногу пленника, пока она не начинает дымиться. Монотонность и ритмичность поджаривания проходят лейтмотивом через ряд сказок; например, демонические персонажи «механически кивают головой»; психологически это соотносится с «неискупленным» комплексом, который может проявиться в виде бессмысленного мазохистского страдания.)

Ноги, как наиболее приближенный к земле орган тела, символизируют связь с земной реальностью и нередко имеют генеративное, фаллическое значение. По традиции ноги считаются наиболее уязвимым местом у солнечных богов, королей и героев. Так, например, за ногу кусает змея (Ра), в ногу попадает стрела (Ахилл), ноги слабы (Гарпократ или Гор-па-херд) или уродливы (Гефест, Эдип). Ущербность ног, таким образом, свидетельствует о наличии определенного изъяна в позиции мужского начала; например, функциональные нарушения в половой сфере или упорствующее в своем проявлении творческое побуждение.

Дым символизирует фантазии (планы «развеялись как дым»), лень («Мои дни проходят как дым» — Псалмы 102:3), отговорки («дымовая завеса»). В Библии дым ассоциируется с омраченностью души (Откровения 9): дым поднимается из «бездны», лишая человека видения истины, и тогда появляются ужасные и прожорливые демоны, чтобы сожрать несправедного. У алхимиков дым ассоциировался как с душой, так и с духом (*anima corporalis spiritualis*), которые покидают тело.⁸⁹ Психологически это соответствует сознательной дезидентификации (разотождествлению) эго с анимой и тенью (позволяя установить связь между эго и этими персонифицированными аспектами бессознательного). Это необходимая стадия, но если процесс останавливается на этой стадии, тогда человек переживает «потерю души», то есть депрессию. Поэтому алхимики говорят о второй стадии *coniunctio*, на которой ставится задача в воссоединении души и духа с телом.⁹⁰ В действительности это означает, что озарение может произвести трансформацию (а у Кафки было много озарений), только подвергаясь воздействию и реализуясь в жизни. Как заметил Юнг: «Самопознание вызывает определенные этические последствия, которые нуждаются не только в осознании, но и в реализации на практике»⁹¹ Таким образом, тот факт, что ноги гиганта дымятся, свидетельствует о стремлении обессилить (в широком смысле слова) «другую сторону», подвергнув «точку зрения» хтонической тени мощному воздействию тепла материнского комплекса. Если в предыдущем сновидении материнский принцип играл положительную роль, предлагая жизнь ослу-борзой, то в данном случае он определенно выступает в отрицательной роли, поскольку пятеро мужчин представляют аспекты сознания, находящиеся «на службе у матери.» Точно так же, как и в первом сновидении, в котором хтоническая тень, символизируемая ослом, загрязнена духом, представленным борзой, так и в данном случае видится очевидным стремление одухотворить инстинкт

(нога начинает дымить).

Действительно, против тени в области бессознательного направлено так много энергии (в виде тепла), что сознание вряд ли сможет получить доступ к в любой его форме либидо. В сновидении это приводит к лизису*, когда Кафка просыпается *«не только в холодном поту, но и с лязгающими от страха зубами.»*

Уместность алхимических амплификаций в отношении жизни Кафки становится очевидной, когда мы понимаем, что у недифференцированного (бессознательного) человека анима и тень переживаются как единое целое. Поэтому

** Лизис – медиц. Растворение, распад. Здесь – завершается стадия сновидения, демонстрирующая конец болезненных проявлений. – Прим. русского редактора.*

любое подавление или отрицательное бессознательного изображается в виде потери души. Кафка переживал это состояние не просто как депрессию, его охватывало всепоглощающее чувство своей непричастности к жизни. Это психологическое состояние и лежит в основе образа «тайного ворона». Задача осознания в первую очередь заключается в том, чтобы опознать теневую сторону личности и признать ее право на существование, а не в том, чтобы игнорировать, одухотворять или бояться ее стремления к жизненному воплощению. Напротив, Кафка постоянно сражался со своим собственным «природным человеком». Благодаря идеалистическому отношению к чистоте, истине и совершенству Кафка не одобрял реальности, присущ существованию человека-животного.

По мере сознательной ассимиляции «земли» своей тени человек становится более солидным, «влиятельным», «весовым». (Этот процесс находит отражение в сновидениях, в которых видно, что теневая фигура утратили вес.) В случае отказа признать существование своей тени человек лишается почвы под ногами, ему недостаточно истинного смысла, даже его страданиям убедительности. Кафка выразил это ощущение следующим образом:

«Но на что бы я ни сетовал, в сетованиях моих нет убежденности, в них нет даже истинного страдания, они раскачиваются, как якорь брошенного судна, далеко не достигая той глубины, где можно обрести опору.» [Д2 161]

* * *

Поскольку Кафка не признавал существование своей другой стороны, она обращалась против него самого. Это проявлялось в реальных физических недомоганиях (*«Странно, что в древних религиях бог боли не был главным богом»* — Д2 217) и в ощущении своей никчемности. *«Я грешен до самой глубины своего существа»*, — пишет он в июле 1916 года [Д2 161]. Свои недостатки представлялись Кафке столь огромными, что он охарактеризовал себя как *«человек со слишком большой тенью.»* [Д2 214]

Самоочернение у Кафки обычно сочеталось с ощущением своей никчемности как писателя. «*Высказанная мною вслух мысль*», — отмечает он в июле 1913 года, — «сразу же и окончательно теряет значение; записанная, она тоже всегда его теряет.» [Д1 289] Кафка называл свое писательство «*разновидностью молитвы*» [Д1 186] и «*борьбой за самосохранение*» [Д2 75], и тем не менее в редких случаях признавал «спасительное утешение», которое он находил в своем занятии, но если и признавал тогда его признания были проникнуты неопределенностью:

«Странное, таинственное, возможно, опасное, возможно, спасительное утешение содержится в сочинительстве; это — прыжок их ряда убийц; это видение того, что действительно происходит. Такое становится возможным благодаря наличию более высокого типа наблюдательности, пронциательности...» [Д2 212]

И все же сочинительство и свое собственное существование чаще всего представляются ему бессмысленными. Так, например, в ноябре 1913 года он пишет:

«Я снова буду писать, но сколько сомнения породило у меня мое писание. В сущности, я бездарный, невежественный человек, который, не принуждали бы его ходить в школу — не по доброй воле, но и едва ли замечая принуждение, — способен был бы лишь на то, чтобы забиться в собачью конуру, вылезать из нее только тогда, когда ему приносят жратву, и забираться обратно, проглотив принесенное» [Д1 308]

Более определенно он пишет об этом в феврале 1915 года:

«При известной степени самопознания и при других благоприятствующих наблюдению за собой условиях неизбежно будешь время от времени казаться себе отвратительным... Придется признаться себе, что ты являешься ничем иным, как крысиной норой жалких задних мыслей... Эта грязь будет самым глубинным слоем, которого только можно достичь...» [Д2 114]

В той же связи он пишет в сентябре 1917 года: «*Если хочешь всерьез покопаться в себе, то не сможешь избежать того, чтобы грязь исторглась из тебя.*» [Д2 182]

Вышеприведенные самообвинения свидетельствуют о наличии у Кафки ощущения своей неполноценности и, вообще говоря, обнаруживают симптомы негативной инфляции. Термин «инфляция» обычно употребляется для характеристики лиц с неоправданно высоким мнением о себе. В крайних случаях такие лица воспринимаются себе как воплощение Христа или мессии иного рода. Они нередко утверждают, что имеют телефонную связь непосредственно с богом. Негативная инфляция характеризует и другую крайность — отождествление со своими худшими качествами, своей темной, теневой стороной. Для дитя с высокими идеалами характерно, что он не живет в соответствии с ними, при этом неприятие своей человеческой природы легко может привести к заикленности на своих неудачах. Так, например, на рисунке Кафки («танец жизни») изображена почти полностью черная (за исключением головы) мужская фигура. Рисунок служит

иллюстрацией расщепления между «черным и белым», которое существовало у Кафки, в его отношении к телу. Кроме того, необходимо обратить внимание и на фаллическую форму мужской фигуры. *«В тех случаях, когда имеет место недооценка сексуальности, — пишет Юнг, — Самость символизируется в виде фаллоса»* (например, в сновидениях и на рисунках):

Рис 8.

Рис 9

«Недооценка может заключаться в обычном подавлении или в явной девальвации... чисто биологическая интерпретация и оценка сексуальности также могут привести к этому результату. При любом таком понимании игнорируются духовный и «мистический смысл полового инстинкта.»⁹²

Подход Кафки к сексу, как уже отмечалось, был чисто биологическим. Этим объясняется его оценка *«коитуса как кары...»*

По поводу инфляции мы находим у Юнга следующее замечание:

«При инфляции сознание всегда эгоцентрично и не воспринимает ничего, кроме своего существования. Оно неспособно учиться у прошлого, понимать текущие события и делать правильные выводы относительно будущего. Оно загнипнотизировано на самой себе и поэтому не допускает возражений.»

Инфляционное сознание неизбежно обрекает себя на катастрофу, которая приводит к смерти.

Инфляция представляет собой, как ни парадоксально, регрессию сознания в бессознательное. Как правило, это происходит в тех случаях, когда сознание берет на себя слишком много бессознательных содержаний и утрачивает способность к различению последних, способность, считающаяся неотъемлемым атрибутом всякого сознания.»⁹³

Поэтому инфляцию любого вида можно рассматривать как определенную форму одержимости. Она свидетельствует о настоящей потребности сознательно ассимилировать теневые характеристики бессознательного. Ассимиляция противоположна идентификации и связана с реализацией объективного подхода к своим комплексам, она позволяет избежать опасности оказаться под их властью. Это приводит к изменению отношения к самому себе, и как во всяком изменении отношения, оно не может быть реализовано исключительно в голове; здесь должна осуществиться основанная на переживании чувственная реализация. По этому поводу Юнг пишет:

«Чувство всегда привязывает человека к реальности и смыслу символического содержания; они в свою очередь устанавливают обязательные нормы этического поведения, от которых с удивительной легкостью освобождаются эстетизм и интеллектуализм.»⁹⁴

Поэтому аналитический процесс, реализуемый, например, на интеллектуальном уровне (в основном это относится к самоанализу) неизбежно носит стерильный характер:

«До тех пор, пока анализ протекает в интеллектуальной плоскости, ничего не происходит, можно обсуждать все, что угодно, и это не будет иметь никакого значения, но стоит вам копнуть глубже, и тогда мысль предстанет перед вами в форме опыта и будет стоять перед вами подобно объекту... При таком переживании вы опознаете его, как некоторое событие.»⁹⁵

Такие «мысли в форме переживания» оказывают трансформирующее влияние, поскольку носят нуминозный божественный характер и охватывают (переполняют) всего человека. Они приводят к более сбалансированной перспективе: человеку свойственно все человеческое — он не вполне добр (позитивная инфляция) и не вполне зол (негативная инфляция). Он представляет собой однородную амальгаму добра и зла. Осознание и принятие этого положения служит отличительным признаком интегрированной личности.

У Кафки в результате смещения акцента на совершенство, а не на интеграцию (целостность), происходила активизация так называемой «темной стороны Бога», которая постоянно создавала угрозу подавления его личности, чтобы заставить его (в компенсаторном плане) спуститься с облаков на землю. Причиной внутренней борьбы Кафки была бескомпромиссная установка его сознания. При таких условиях и при полном отсутствии понимания и усвоения на уровне сознания всего происходящего с

ним его поиск жизни, как описывает сам Кафка, превратился для него в танталовы муки:

*«Его томит жажда, и от источника его отделяет лишь небольшой кустарник. Однако его раздирают внутренние противоречия; одна часть видит все: место, где он стоит, и то, что рядом находился источник; тогда как другая часть не замечает ничего и, в лучшем случае, лишь догадывается о том, что первая часть видит все. И тем не менее, он не может напиться, поскольку ничего не замечает.»*⁹⁶

В источнике, разумеется, содержится вода жизни. Вода сама по себе нередко символизирует бессознательное, источник возрождения. «Раздираемый внутренними противоречиями», Кафка отрезан от целительных вод «лишь небольшим кустарником». Кусты, как и деревья вообще, имеют материнское значение и в данном случае соотносятся с ограничивающим воздействием материнского комплекса.

И тем не менее, Кафка держался до конца. Какая-то внутренняя сила поддерживала его. Он называл ее «надеждой»:

«Неразрешимая проблема: Я разбит? Заболел? Почти все признаки свидетельствуют об этом (ощущение холода, апатия, состояние моих нервов, рассеянность, некомпетентность на службе, головные боли, бессонница); пожалуй, только одна надежда свидетельствует против всего этого.» [Д2 140]

В «Размышлениях о Грехе, Боли, Надежде и Истинном Пути» содержится следующее замечание:

*«Человек не может жить без стойкой веры в существование чего-то неразрушимого в нем самом. В то же время он может прожить всю свою жизнь, не зная о существовании этой неразрушимой сущности и своей веры в нее.»*⁹⁷

С психологической точки зрения это «нечто неразрушимое» представляет собой то, что Юнг называл «Самость».

3. Условная Жизнь и Женственное

В июле 1914 года, находясь в отпуске в Дании, Кафка написал своим родителям откровенное письмо (оставшееся неотправленным), в котором сообщал о своем дерзком намерении уехать из Праги в Берлин, жениться на Фелиции Бауэр и жить на свои сбережения, зарабатывая по мере возможности своим трудом. Это письмо представляется важным не только потому, что говорит о намерении Кафки в дальнейшем зарабатывать на жизнь литературным трудом, но еще и потому, что свидетельствует о ясном понимании того, чем он рискует:

«До сих пор я находился в полной зависимости от других и внешне процветал... Достоинство несамостоятельства заключается в том, что оно позволяет оставаться молодым... Здесь все устроено так, чтобы удерживать меня, как человека, стремящегося к несамостоятельности, в этом состоянии. Все обеспечивает максимальный комфорт. В сущности, у

меня нетрудная работа, хотя я нахожу ее обременительной, а порой просто невыносимой. Она позволяет мне зарабатывать больше, чем мне нужно. Для чего? Для кого? Мне повысят зарплату. С какой целью?

*Если эта работа не устраивает меня и не обеспечивает мою независимость (как награду за все), тогда почему бы мне не отказаться от нее? Я ничем не рискую, подав заявление об увольнении и уехав в Прагу. Я ничем не рискую потому, что жизнь в Праге ни к чему хорошему не приведет».***98**

Прекрасный план! Но он рухнул, поскольку началась война. Впрочем, нет причин полагать, что Кафка смог бы осуществить его. Ибо, даже если бы у него хватило физических сил на претворение в жизнь своего озарения, и даже если бы его отношение к девушке было определенным, то и тогда можно было бы усомниться в искренности его намерения изменить ситуацию «полной зависимости». Следует отметить, что термин «полная зависимость» встречается у Кафки не только здесь, но и в других местах.

Тюрьма

«Зависимость» для Кафки была эквивалентна тюремному заключению. В октябре 1916 года он пишет Фелиции Бауэр: *«Я, который чаще всего бывал несамостоятелен, бесконечно стремлюсь к независимости и всесторонней свободе»*. [Д2 166-167] Макс Брод считал, что этот конфликт (между безопасностью и свободой) мог бы разрешиться, *«...если бы ему позволили полностью реализовать свой талант художника»*.**99** Однако в действительности в основе невроза Кафки лежала дихотомия, и ключом к пониманию этого служит образ тюрьмы.

Я уже приводил цитату из дневника Кафки о несчастном человеке, обреченном на бездетное существование и ужасное заточение в темницу собственного несчастья. Следует напомнить и о разговоре с Густавом Яноухом, в котором Кафка охарактеризовал родительский дом, как построенную специально для него тюрьму и отметил невозможность разбить цепи, поскольку они невидимы. Такие «цепи», разумеется, в действительности являются бессознательными связями с родителями и той безопасностью, которую олицетворяют родители. Для того, чтобы повзрослеть и начать независимую жизнь, эти связи необходимо разорвать. Восприятие жизни, как тюремного заключения, проходит лейтмотивом через всю психологию вечного дитя.

Примерно в то время, когда состоялся выше упомянутый разговор с Яноухом (1920), Кафка написал следующий афоризм:

*«Он мог бы смиренно удалиться в тюрьму. Закончить жизнь в тюрьме — это могло бы стать его единственным желанием. Но он оказался в клетке из прутьев, спокойно и вызывающе, как дома, шум мира проникал к нему сквозь прутья; в действительности заключенный был свободен, он мог все получить, он замечал все, что происходило за пределами клетки, он мог просто уйти из клетки, прутья отстояли далеко друг от друга, он даже не был заключенным.»***100**

В этом фрагменте, написанном в характерном для Кафки парадоксальном стиле, изображено «негативное» заточение, при котором человек оказывается

запертым в своей психике и сам является своим надзирателем. Он может проходить и уходить, когда ему заблагорассудится, но он не делает ни одного движения.

Для сравнения рассмотрим отрывок из стихотворения Ловлеса «Алфее из Тюрьмы»:

*«Каменные Стены — еще не тюрма,
Железные прутья — еще клеть,
Невинные и спокойные воспринимают
Это как прибежище. Когда я свободен в своей Любви
И свободен в своей душе,
Такой свободой наслаждаются
Только ангелы, парящие в высях.»***101**

В этих строках говорится об ощущении свободы, которое испытывает человек, несмотря на заточение. Кафка оплакивает утрату свободы несмотря на то, что он не сидит за решеткой. В другом месте у Кафки это ощущение передано менее загадочно:

*«На этой земле он чувствует себя как в тюрьме; его одолевают меланхолия, ощущение беспомощности и отращения, лихорадочные фантазии пленника; никакое утешение не может успокоить его, поскольку это мягкое утешение, от которого раскалывается голова, она лишь наводит глянец на жестокий факт заточения. Но если такого человека спросят, что ему надо, он не сможет ответить, ибо — и это является одним из самых сильных аргументов — у него нет понятия свободы.»***102**

Тюрма — это символ достаточно известный психоаналитикам символ. Юнг относит его к ряду возможных кватернарных образов Самости,**103** но это соображение сохраняет силу до тех пор, пока остается страх перед Самостью. Другими словами, ощущение заточения свидетельствует об отказе от процесса индивидуации. В действительности этот отказ относят к особенностям психологии дитя. В его основе лежит нежелание взрослеть и брать на себя личную ответственность за свою судьбу. Так, например, признавая в «Письме Отцу», что «брак, безусловно, представляет собой крайнюю форму обязательства реализовать свое освобождение и независимость»,**104** Кафка утверждал, что возможность женитьбы закрыта для него просто потому, что она относится к сфере деятельности отца: «Иногда мне представляется развернутая карта мира, на которой ты растянулся по диагонали. У меня такое ощущение, будто я могу жить только в тех районах, которые остались не закрытыми тобой и до которых ты не можешь дотянуться».**105**

Женитьба, как заметил Кафка, сделала бы его равным отцу, но такое «походило бы на сказку... это уж слишком; это недостижимо». И снова он прибегает к образу узника:

«Это напоминает состояние человека, оказавшегося в положении узника. У него нет не только намерения совершить побег, что, впрочем, неосуществимо, но и одновременно с этим намерения перестроить тюрьму в величественное здание, где он мог бы развлекаться. Однако если совершит

*побег, то не сможет осуществить перестройку, а если он осуществит перестройку, то не сможет совершить побег».***106**

Что же касается его помолвки с Фелицией Бауэр, то с другой стороны, уже упоминавшийся перечень аргументов «за и против» женитьбы позволяет ясно и определенно понять, что «обычная история» суетного существования была для него совершенно неприемлема, ибо его ощущение свободы было тесно связано с отсутствием ограничений. В январе 1915 года Кафка делает в своем дневнике следующую запись:

«Я не отступаю от своих намерений вести Фантастическую, полностью обусловленную моей работой жизнь, она же, глухая ко всем немым просьбам, хочет обыденности, уютной квартиры, интереса к фабрике, обильной еды, сна с одиннадцати часов вечера, натопленной комнаты, она подводит мои часы, вот уже четверть года уходящие вперед на полтора часа, чтобы они показывали время с точностью до одной минуты. И она права, и всегда будет права». [Д2 111-112]

Здесь подразумевается, что продолжение связи приведет к невыносимым ограничениям. В то же время, с психологической точки зрения, такие «ограничения» служат параметрами взросления. На языке «И.Цзин» (Гексаграмма 60, Ограничение):

*«Безграничные возможности не подходят человеку; если бы они существовали, его жизнь растворилась бы в безграничном. Чтобы стать сильной, жизнь человека нуждается в ограничениях, предписываемых долгом и добровольно принимаемых. Жизнь человека как свободного духа станет значимой только тогда, когда он окружит себя ограничениями и определит, в чем заключается его долг.»***107**

В этом смысле ни работа, ни родительский дом, ни бездетная судьба не были для Кафки тюрьмой. При наличии подростковой установки сознания человек отказывается признавать существование ограничений и, сталкиваясь с ними, приходит в состояние раздражения. Благодаря наличию жесткой позиции эго Кафка отказывался воспринимать бессознательное всерьез. Обе позиции приводят к проявлению высокомерия, которое служит признаком инфляции Эго.

Брошенный на произвол судьбы в морс безграничных возможностей Кафка испытывал чувство разочарования и безысходности. Следует напомнить его дневниковую запись: *«Невозможно жить с Ф. Невозможно жить с кем бы то ни было. Я не сожалею об этом; сожалею о невозможности жить в одиночестве.»* [Д2 157] Промежуточное состояние между тюрьмой и жизнью было для Кафки *«не смертью, а бесконечной мукой умирания».* [Д2 77]

По мнению Мари Луиз фон Франц не существует иного выбора у человека, чья жизнь проходит слишком долго в рамках подростковой, психологии.

Характеризуя страж перед тюрьмой, испытываемый молодым,

ориентированным на мать человеком, она делает следующее замечание:

«Тюрьма — это негативный символ материнского комплекса.... и в перспективе оказывается именно тем, в чем человек нуждается, ибо он нуждается в заключении в тюрьму реальности. Но если такой человек

*убежит от тюрьмы реальности, он окажется в тюрьме материнского комплекса, так что в любом случае он оказывается в тюрьме. Ему остается выбирать, только между двумя тюрьмами: неврозом и реальностью. Таким образом, он зажат между дьяволом и глубоким синим морем. Такова его судьба и такова судьба вечного дитя в целом. Ему решать, чему отдать предпочтение: материнскому комплексу с неврозом либо обычной жизни в условиях земной реальности».***108**

И тем не менее, здесь существует определенное различие. В тюрьме материнского комплекса можно обрести только мазохистское страдание, тогда как в тюрьме земной реальности существует возможность трансформации (преображения), после которой реальность со своим и ограничениями перестает восприниматься как заточение в темницу. Действительно, согласно «И.Цзин» жизнь человека как свободного духа, становится «значимой» только благодаря ограничениям. Если прибегнуть к метафоре, то это означает, что он находит «сокровище» — внутреннее золото, Самость.

На первых семинарах по основным психологическим принципам Юнг иногда соотносил понятие утраченного сокровища с проекцией, утратой души и страхом перед заключением в тюрьму:

«При наличии состояния, характерного для начала жизни и подростковой психологии, вы не обладаете анимусом (анимой в случае мужчины) и сознанием Я, поскольку и то, и другое носит проективный характер. В таком случае вами может овладеть лицо, которое, по-видимому, является носителем этих ценностей; вы попадаете под влияние несомненных владельцев ваших сокровищ, которое, разумеется, носит отчасти магический характер.

Далее, чем больше вы поддаетесь очарованию, тем больше вы утрачиваете свободу движения... Вы находитесь в тюрьме, вы полностью утратили свободу.

Поэтому люди боятся друг друга — они опасаются, что кто-нибудь может лишить их свободы. Многие люди испытывают ужас при мысли о привязанности к кому бы то ни было; они боятся потерять не только ментальную свободу, но и моральную и духовную свободу, как если бы под угрозой оказалась их душа...

*Если вы смиритесь с тем, что вас задержали, вы окажетесь в тюрьме. В то же время, у вас появляется шанс овладеть своими сокровищами. Другого пути не существует. Вы никогда не овладеете своими сокровищами, если будете держаться равнодушно и бегать вокруг, как пугливая собака.»***109**

Эти замечания позволяют понять характерный для дитя страх перед перспективой сесть на мель (то есть попасть в капкан или тюрьму) благодаря связи с женщиной. Именно в таких терминах выражает Кафка свое отношение к представительницам противоположного пола:

«Женщины — это ловушки, расставленные повсюду для мужчин, чтобы утащить их в только конечное. Они перестают быть опасными, если кто-нибудь добровольно попадает в одну из ловушек. Но если кто-нибудь в силу

*привычки справится с ловушкой, тогда все пасти женской западни распахиваются вновь».***110**

«Только конечное» представляется удачным выражением для определения чувства ограниченности, которое испытывает мужчина, связавший себя обязательствами по отношению к женщине. Воображению человека, не связанного обязательствами, возможности представляются безграничными. Наличие малейших ограничений воспринимаются, как жертва, невыносимая потеря свободы. Одна древняя алхимическая формула гласит, «*Мужчина — это небо (дух) женщины, а женщина это земля мужчины*».**111** Это означает, что связь с женщиной заставляет мужчину спуститься с облаков на землю. Мужчина, который подобно дитя, не желает спускаться на землю, живет в своего рода заточении, из которого только «соответствующая» женщина может спасти его, хотя такой женщиной редко оказывается та, которую он имел в виду. А тем временем он вынужден терпеть муки осужденного, ибо неспособность поддерживать правильную связь не утоляет его жажду. В вышеприведенном фрагменте то, что Кафка называет «пастью женской западни», соответствует страшной (*vagina dentata*) вагине дентате (то есть вагине с зубами), которая в психологическом плане нередко символизирует пожирающую мать и в данном контексте соотносится непосредственно с сексуальной проблемой Кафки. В этой связи представляется уместным следующее замечание фон Франц:

*«У мужчины могут сочетаться секс и агрессия, но не секс и страх. Женщины могут сочетаться секс и страх, но не агрессия и секс. В этом заключается проблема соотношения анимуса и анимы».***112**

Известно, что Кафка не отличался агрессивностью, что было следствием отсутствия контакта со своей хтонической тенью. Кроме того, известно, что неприятие своей животной природы нашло отражение у Кафки в виде всепоглощающей заботы о «совершенстве». В итоге это привело к подавлению инстинктов, что в значительной мере способствовало углублению внутреннего ощущения несвободы, ибо его тело действительно было несвободным.

Характеризуя особое ощущение «пойманности», которое нередко сопровождает процесс установления отношения со своей реальностью, Юнг подчеркивает важность призвания телесной ограниченности:

*«Возвращаясь к себе, люди рассчитывают на особую свободу — свободу от обязанностей, пороков и добродетелей. Но в действительности дело обстоит совершенно иначе. Ситуация походит на западню, вы попадаете в какую-то дыру. «Погодите!» — говорите вы. И тут же оказываетесь там, где всегда находились... Дыра, в которой вы оказались, проходит через тело, а тело говорит «но это ты и есть». Все это находит отражение в виде тюрьмы».***113**

Без тела духу недостает содержания; без духа тело — пустой сосуд. Сознательно углубление в рассмотрение духа и тела с разрешением неизбежных конфликтов служит признаком индивидуации личности. В конечном счете Кафка действительно спустился с облаков на землю. Он

нашел и полюбил женщину. Он «по своей воле» спустился на землю или, другими словами, попал в один из капканов. При этом, по общему мнению, он испытывал чувство свободы, которое не подтвердило его прежние опасения и позволило ему воспрянуть духом. Исчезли тюремные решетки, и он обрел некоторые из своих сокровищ.

А тем временем он страдал, но не терял надежды. В связи с этим в дневниковой записи за 1920 год мы находим следующее замечание: *«Если на следующий день после освобождения чувство несвободы еще остается неизменным, а то и усиливается, и даже если настойчиво уверяют, что оно никогда не кончится, — это нисколько не опровергает предчувствия окончательного освобождения. Все это, скорее, необходимые предпосылки окончательного освобождения»*. [Д2 193].

С мифологической точки зрения его упования были вполне обоснованными. Ведь перед окончательным освобождением солнечные боги и герои, как правило, проходили через несвободу (нисхождение в ад). Это — известная вариация на тему *«ночного путешествия по морю»*.¹¹⁴ Озирис, Христос, Иона, Данте, Одиссеи, Эней и многие другие герои оказывались, так сказать, в одной лодке. Впрочем, это относится к каждому человеку, пребывающему в состоянии жесткой депрессии.

Все мифы о ночных странствиях по морю, в конечном счете, восходят к наблюдениям за поведением солнца, которое, по словам Юнга, *«плывет над морем подобно бессмертному богу, который погружается в материнские воды каждый вечер, чтобы утром возродиться»*.¹¹⁵

Таким образом, заход солнца, рассматриваемый с психологической точки зрения, как потеря энергии, сопровождающая упадок духа, служит необходимой прелюдией к возрождению. В отличие от солнца только смертный лишен чувства уверенности в своем воскресении.

Жизнь как Условность

Страх дитя перед соприкосновением с реальностью идет рука об руку с робким и упрямым нежеланием стоять на своих ногах. Такая позиция напоминает установку сознания, встречающуюся среди больных, которые настолько привыкают к уходу за собой, что уже не в состоянии покинуть больницу. В силу своего отношения Кафка жил дома, находясь в известном подчинении у родителей, и был привязан к службе, которая, по его же словам, оказывалась причиной *«двойной жизни, имевшей только один исход — безумие»*. [Д1 44].

Кафка не сошел с ума, но безусловно страдал от невроза, ибо попал в тиски жизни, которые Юнг называл «условными» как бы «предварительными», «временными». Участь человека в этих условиях не соответствует его действительным устремлениям, он постоянно настроен уйти в реальную жизнь и однажды сделает все необходимое для этого, но только не сейчас.

Планы на будущее никогда не осуществляются, жизнь проходит в бесконечных фантазиях о том, что будет или могло бы быть, тогда как для изменения настоящего никаких решительных мер не принимается.

Некоторые люди могут безмятежно пребывать в таком состоянии бесконечно

долго. Однако, в большинстве случаев, эта «временная, предварительная» жизнь не складывается; в конечном счете, бессознательное поднимает мятеж и выражает свое недовольство с помощью физических или эмоциональных симптомов. Как пишет Юнг в «Семинарах по Видению»:

*«К непосредственно вещам относятся данная земля и данная жизнь. Довольно долго наших предков (да и нас самих) учили, что эта жизнь нереальна, условна, а реально мы живем только на небесах. Поскольку вся наша (христианская) мораль основана на отрицании плоти, бессознательное нередко стремится убедить нас в том, что важно жить здесь и теперь. Ибо в течение ряда столетий человек неоднократно ощущал, что жизнь, не реализуемая здесь и переживаемая, как нечто предварительное, совершенно неудовлетворительна и приводит к неврозу. Когда человек живет предварительной жизнью, его бессознательное находится в состоянии постоянного раздражения».***116**

Фон Франц указывает, что у человека, который живет временной условной жизнью, всегда находится какое-нибудь «но», не позволяющее ему вступить в брак или связать себя определенными обязательствами:

*«Всегда существует страх перед возможностью оказаться в ситуации, из которой, по-видимому, нет выхода. Каждая даже обыденная ситуация — это ад... И какие бы занятия или дела ни возникали, будь то женщина или работа, это все еще не то, к чему такой человек действительно стремится, и у него всегда сохраняется иллюзия, что когда-нибудь в будущем появится нечто реальное, настоящее».***117**

Устойчивость такой позиции приводит к постоянному внутреннему отказу связать себя обязательствами данного момента. В этих условиях отсутствует ощущение своей причастности жизни. У человека возникает ощущение, будто он еще не родился.

Именно такое ощущение было характерно для Кафки. В январе 1922 года он отмечает в дневнике: «Сомнение перед рождением. Если существует переселение душ, то я еще не на самой последней ступени. Моя жизнь — это сомнение перед рождением». [Д2 210]. В феврале 1922 года он намечает: «В судный день моей жизни все же будет учитываться тот факт, что моя жизнь должна была начаться на следующий день». [Д2 222] Через месяц записывается большей горечью: «Еще не родиться — и уже быть обреченным ходить по улицам и разговаривать с людьми» [Д2 225].

Одну из историй болезни пациента, жившего такой условной, предварительной жизнью, можно найти у Г.Бейнса, одного из первых учеников Юнга который, сам был врачом и написал монументальный труд «Мифология Души». Бейнс пишет, что у таких людей существует склонность жаловаться на «обстоятельства своей жизни, плохое здоровье, повышенное сострадание, высокую чувствительность к шуму, свету, теплу, холоду, психологической атмосфере, на запор, бессонницу и многие другие факторы, которые действуют сообща, чтобы помешать им жить нормальной респектабельной жизнью».**118**

Как уже отмечалось, перечень недомоганий Кафки, начиная с его

ипохондрией, составил бы довольно пухлое досье. Его чувствительность к шуму действительно была повышенной. Об этом свидетельствуют его ранние записи в дневнике:

«Я хочу писать, ощущение непрерывного подергивания на лбу. Сижусь в своей комнате — в главном штабе квартирного шума. Я слышу, как хлопают все двери, их грохот избавляет меня только от звука шагов пробегающих через них людей, а еще я слышу, как затворяют дверцу кухонной плиты. Отец распахивает настежь двери моей комнаты и проходит через нее в волочащемся за ним халате, в соседней комнате выскребают золу из печи. Валли спрашивает из передней словно кричит через парижскую улицу, вычищена ли уже отцова шляпа, шиканье, которое делает должно выразить внимание ко мне, лишь подхлестывает отвечающий голос. Входная дверь открывается вначале с простудным сипом, переходящим в быстро обрываемое женское пение, и закрывается с глухим мужественным стуком, который звучит особенно бесцеремонно. Отец ушел, теперь начинается более деликатный, более рассредоточенный, более безнадежный шум, предводительствуемый голосами двух канареек. Я уже и раньше подумывал, — а теперь канарейки снова навели меня на эту мысль: не приоткрывать ли чуть-чуть дверь, не проползти ли, подобно змее, в соседнюю комнату, чтобы вот так, распластавшись на полу, умолять моих сестер и их горничную о покое». [Д1 133]

Этот фрагмент, разумеется, носит гиперболический характер и свидетельствует о способности Кафки к комической иронии. В то же время он позволяет понять, что чувствовал Кафка, оказавшись в положении человека, внимание которого постоянно отвлекает оглушительный шум.

Бейнс отмечает:

«Условная жизнь предполагает передачу бессознательному функций реализации и ответственности, которые необходимы для прокладки осмысленного и эффективного курса. Место, которое должно быть занято этими функциями, заполнено суетой и самооправданием.»¹¹⁹

Конкретные «функции реализации и ответственности», «передаваемые» бессознательному (то есть прекращающие существовать для того), безусловно определяются типологией данного индивидуума. Кафку можно отнести к интровертивному, интуитивному типу (фон Франц: *«тип религиозного пророка»¹²⁰*), причем подчиненная функция выступает у него в форме экстравертивного ощущения как функция реальная, *fonction du réel*. Это означает, что Кафка с трудом мог примириться со своей экзистенциальной реальностью (здесь и теперь), а это могла в известной степени способствовать развитию у него туберкулеза. В одном из аналитических исследований, посвященных клинической значимости интроверсии и экстраверсии, содержится следующее замечание: *«Возможно, что для сохранения покоя и безразличия к миру, дыхание у интроверта носит неполный и заторможенный характер, и поэтому он сравнительно легко становится восприимчивым к легочному туберкулезу.»¹²¹*

Хотя наличие инфекции в легких Кафки было реальным и печальным фактом, ее, как и всякий другой физический симптом, можно рассматривать с символической точки зрения. Известно, что в конечном счете, Кафку интересовал только «духовный» поиск, реализуемый через литературу. Кроме того, нам известно, что неприятие своей теневой стороны обедняло сознательную установку Кафки. Древние греки считали, что легкие (phrenes), как вместилище (pneuma) (дыхания, духа), являются центром не только мышления и эмоции, но и сознания вообще («The blood-soul»).¹²² Здесь можно утверждать, что зараженность легких свидетельствует о существовании дисгармонии между телом и духом.

Кафка и сам обращал внимание на символическое значение своей болезни, хотя и определял ее более конкретно:

«Если инфекция и твоих легких — это всегда лишь, как ты говоришь, символ, символ инфекции, чье воспаление называется F и чья интенсивность является глубинным оправданием; если это так, тогда совет врача (свет, воздух, солнце, покой) — также символ. Выполняй его».* [Д2 182].

И тем не менее, независимо от символизма, связанного с туберкулезом Кафки, представляется очевидным, что Кафка в основном отказывался примириться с реальностью своей жизни, хотя примирение с существующим служит необходимой предпосылкой для изменения. Поэтому Кафка находился в психологическом тупике, подтверждением чему служит, по его выражению, «полная зависимость». Здесь речь идет о человеке, который постоянно находился не в ладу с самим собой.

Так сокращенно F приведено в Дневнике. По всей видимости, это аббревиатура немецкого Flame – пламя. – Прим. русского редактора

Во многих отношениях это представляется удивительным, поскольку вряд ли можно утверждать, что Кафка не подозревал о существовании своей реальности. Напротив, он приводит достаточно определенное описание этой реальности. Более того, он ясно понимал, как нужно поступать в подобном случае. Так, например, в августе 1916 года он пишет в своем дневнике:

«Итак, соберись с силами. Исправляй себя, беги чиновничьего духа, начни же понимать, кто ты есть, вместо того чтобы рассчитывать, кем ты должен стать». [Д2 164]

Густав Яноух приводит следующее высказывание Кафки: *«Нигде и никогда реальность не может быть более достижимой, чем в непосредственный момент жизни».*¹²³ В то время это глубокое замечание никак не отразилось на его собственной «условности» (1921 г.).

«Создается впечатление, что для большинства людей открытие реальности служит причиной паники», — пишет Юнг и далее замечает:

*«Интересно, что когда вы рассказываете об этом людям, которые живут условной жизнью, они глубокомысленно кивают головой, давая понять, что они знают все и затем продолжают жить прежней жизнью, продолжают писать».*¹²⁴

С точки зрения психологии засыпание соответствует погружению в бессознательное. В этом случае уместно задать вопрос: проспал ли в этом смысле Кафка большую часть своей жизни? Если да, тогда становится понятной форма, а нередко и содержание его произведений. Интересно, что Кафка однажды выразил желание написать автобиографию, поскольку **«изложить ее так же легко, как и сновидения»**. [Д1 181]

«Дать реальности право на вход в свою жизнь», — замечает Бейнс, — *«значит взять на себя ответственность за что-то и безоговорочно нести ее»*.

«А это, в свою очередь, предполагает формирование и, возможно, даже преобразование под воздействием некоторой неизвестной силы. В этом заключается сама суть невротического страха перед жизнью, ужаса при мысли, как бы что-нибудь не овладело его сознанием и не увлекло безвозвратно в неизведанное и непредсказуемое. В основе своей это благоговейный страх Эго перед Самостью».**125**

Здесь мы снова возвращаемся к тюрьме как негативному образу Я, который свидетельствует об отказе стать тем, чем данное лицо потенциально является. В данном случае речь идет о страхе перед процессом индивидуации.

Действительно, с этим страхом связано «безграничное ощущение вины», о котором Кафка упоминает в «Письме Отцу».**126** Сам Кафка винил за это отца, что является характерным для дитя уклонением от ответственности. Однако психологическая реальность такова, что реализации индивидуация требует как внутреннего, так и внешнего претворения в переживании своего потенциала. Но в этом отношении Кафка не связывал себя обязательствами и страдал от чувства вины, поскольку не был «полезным» членом общества и не использовал во всей полноте свой литературный талант, уходя во внешнюю деятельность

Чем больше человек погружается в жизнь, тем больше он совершает ошибок и неправильных поступков, что, впрочем, неизбежно следует с, собственно, участия «в жизни». Кафке не удалось накопить достаточно активной вины, поскольку он не участвовал в жизни и прятался за решетку. Вместо этого он стал жертвой пассивной вины. Это чувство, например, с непередаваемым мастерством исследуется в его романе «Процесс». В романе не говорится, какой проступок совершал К., «герой» романа. В соответствии с нормами гражданского права он безусловно невиновен, и тем не менее он чувствует вину и прилагает все силы, чтобы искупить неизвестно что. Когда Кафка расторг свою первую помолвку с Фелицией Бауэр, он так написал о себе: *«Ничего или почти ничего нельзя сказать против меня. Чертовски не виновен»*. [Д2 65]

Проводя различие между активным и пассивным чувством вины, фон Франц пишет о дитя: *«Он не совершил ничего из того, что вероятно мог бы совершить более мужественный человек, но... он совершил грех, который заключается в том, что он не жил.»***127** Точно так же в случае Кафки всепоглощающее ощущение вины можно рассматривать как следствие его

«непрожитой жизни».

Психологически все можно рассматривать с двух точек зрения: причинной (каузальной) и предполагаемой перспективой. Какой бы ни была у Кафки причина чувствовать вину, вид на будущее, ожидаемое побуждало его к действию. Другими словами, он должен перестроить свою ситуацию таким образом, чтобы для него жизнь стала более осмысленной. И тем не менее Кафка не покидал свою тюрьму условной жизни почти до конца своих дней. Действительно, можно сказать, что он наслаждался такой жизнью и, собственно, поплатился за это.

*«Показателем совершеннолетия», — пишет Юнг, — «служит не принадлежность определенной секте, группе или народу, а способность подчиниться духу своей собственной независимости».*¹²⁸ Кафка обладал этим духом и признавал его существование, но ничего с этим не делал до конца своей жизни, когда было уже поздно что-либо предпринимать.

«Каждый человек живет за решеткой, которую он носит в себе», — сказал Кафка Яноуху (комментируя рассказ Дейвида Гарнета «Превращение Дамы в Лису»). «Поэтому сейчас так много пишут о животных». [Кафка тоже писал о животных, например, в таких произведениях, как «Исследования Собаки», «Отчет для Академии» (обезьяна), «Превращение» (таракан); «Крот Великан», «Певица Жозефина» (мышь), «Норма» (крот) и других более коротких произведениях.] Далее Кафка продолжает:

*«Это выражает стремление к свободной, естественной жизни... Человеческое существование обременительно для них, и поэтому в своем воображении они освобождаются от такой ноши... Люди боятся свободы и ответственности. Поэтому они предпочитают прятаться за тюремную решетку, которую они сами выстраивают вокруг себя».*¹²⁹

Нет сомнений, что здесь он говорит о самом себе.

Кафка был человеком с «бесконечным стремлением к свободе и независимости» и в то же время боялся свободы и уклонялся от ответственности, со всей силой присущей его творческому дарованию. Таков парадокс, который переживал Кафка, каждый раз, когда, уговаривал себя не сдаваться:

*«Если вам доведется идти по равнине с искренним желанием продвинуться вперед и тем не менее оказаться позади того места, откуда начался ваш путь, тогда это безнадежная затея; если же вам доведется карабкаться вверх по крутому обрыву, например, из пропасти, каковой она представлялась вам сразу, тогда причиной ваших соскальзываний в конечном счете может оказаться характер местности, и вам не следует терять надежду».*¹³⁰

Мать и Анима

В основе условной жизни Кафки, его зависимости и страха перед индивидуацией лежал материнский комплекс. Под воздействием материнского комплекса Кафка оторвался от жизни. Создается впечатление, будто между Кафкой и реальностью поместили пластиковую оболочку так, что он не мог соприкоснуться с реальным миром и полностью посвятить себя

какому-нибудь занятию. Как мы уже убедились, Кафка переживал эту ситуацию, как своего рода заточение в темницу.

Действительно, функционирование любого комплекса влечет за собой ограничение свободы. Та или иная степень свободы самоопределения зависит от степени осознания своей собственной психологии. Степень несвободы определяется степенью власти бессознательных сил (комплексов) над человеком.

По мнению Юнга, наиболее типичными проявлениями материнского комплекса служат дон-жуанство, гомосексуализм, а также, хотя и не всегда, импотенция. Однако, вместо гомосексуализма, или в дополнение к нему, у человека с сильным материнским комплексом может быть тонко дифференцированный Эрос. Благодаря Эросу, может проявиться повышенная восприимчивость к дружбе, которая, по словам Юнга, нередко *«приводит к возникновению удивительной нежности между мужчинами и даже спасает дружбу между полами от мрака невыносимого»*.¹³¹ Кроме того, материнский комплекс наделяет человека *«богатством религиозных чувств... и духовной восприимчивостью к откровению»*.¹³²

Точно так же, как и в случае гомосексуализма, проявления донжуанства могут носить как позитивный, так и негативный характер. Можно привести следующие примеры позитивного проявления донжуанства: честолюбивое стремление к возвышенным целям («истина»), готовность приносить жертвы ради того, что представляется справедливым (героизм), стойкость, негибаемость и сила воли. Наконец сюда относится, как пишет Юнг, *«революционный дух, который стремится преобразить мир.»*¹³³

В случае Кафки можно предположить наличие импотенции, но только не донжуанства. В его жизни и дневниках можно найти некоторые указания на гомосексуальную ориентацию. Особенно это относится к его близкой дружбе с Максом Бродом. В то же время совершенно отсутствуют свидетельства очевидного проявления гомосексуальности. В одном из исследований содержится следующее замечание:

«Вполне возможно, что в латентном виде у него существовали гомосексуальные влечения, которые иногда находили смешанное или символическое выражение, но в этом отношении Кафка не отличался от основной массы человечества».¹³⁴

И тем не менее, по свидетельству Макса Брода и других, он был способен к проявлениям «удивительной нежности» по отношению к своим друзьям.¹³⁵

Позитивные эффекты материнского комплекса находят непосредственное выражение в высоких идеалах Кафки (как личных, так и коллективных), а также в его «религиозных стремлениях» в широком смысле этого слова.

Вообще говоря, это справедливо для дитя, поскольку благодаря материнскому принципу он находился в тесном соприкосновении с бессознательными источниками творчества. Поэтому он нередко предстает как взыскующий духа.

В конечном счете духовный поиск и занятия литературой были для Кафки нераздельны. *«Писательство как форма молитвы»*, — отмечает он в своем

дневнике. [Д1 186]. Один критик характеризует сущность его работы, как *«правдивость: стремление к правде, и только к правде»*.**136** Макс Брод определяет религию Кафки «в смысле правильно осуществленной реализованной жизни», как «основную задачу». **137** По свидетельству Брода искусство было для Кафки «дорогой к богу». **138** Брод пишет, что в основе «литературного мандата» Кафки лежит религиозная проблема: *«особое свойство религии Кафки, которая была религией осуществленной жизни, работы, хорошей работы, которая насыщает смыслом жизнь, согласия в правильной и праведной жизни национальных и человеческих сообществ»*. **139**

Именно этот тип жизни Кафке не удалось изведать. Поэтому его стремление иметь детей (*«Никакой надежды на возрождение, на помощь более счастливых звезд...»*) можно рассматривать как своего рода компенсацию непрожитой жизни. На этом основании можно утверждать, что оно символизирует потребность Кафки в психическом возрождении.

Возрождение предполагает новую жизнь и реализуется посредством дифференциации настроений и эмоций для выяснения действительных нужд и стремлений данного человека. Благодаря процессу указанной дифференциации индивидуум освобождается из своего заточения и перед ним обнажается нереальность самой *«условной жизни»*.

Но для вышеуказанного осуществления необходима энергия, либидо. Либидо же не может быть использовано сознательно для достижения иных целей до тех пор, пока оно находится во власти материнского комплекса. Созданный Кафкой образ «грязной, незнакомой старухи с дряблыми бедрами, которая мгновенно лишает его семени и денег», служит замечательной метафорой того, как материнский комплекс лишает человека энергии.

В мире идей, в области религиозных умозрений, переживаний и страданий Кафка оставался независимым. Однако в психологическом отношении он не принадлежал себе, так как находился под каблуком материнского комплекса. Поэтому, несмотря на отсутствие близости с родителями, он сталкивался с большими трудностями, когда жил вне дома, ибо в своей мнимой тюрьме он был надежно защищен от необходимости решать свои проблемы, характерные для внешнего мира с мужской ориентацией. Как пишет Юнг в «Аионе»:

«(Реальный мир) предъявляет свои требования к мужскому началу характере мужчины, к его страсти, отваге и решительности, когда на весах судьбы оказывается все его существование. Для этого ему понадобится вероломный Эрос, способный забыть свою мать и пройти через муку отказа от первой в своей жизни любви». **140**

* * *

В лекции, прочитанной в 1936 году, Юнг утверждает, что с психологической точки зрения инстинктивные факторы можно подразделить на пять основных групп: голод, сексуальность, активность, рефлексия и творчество. Юнг пишет, что творческий инстинкт, подобно другим инстинктам, носит «компульсивный характер, но не имеет широкого распространения и не

представляет собой фиксированную, неизменно наследуемую организацию»: *«Он имеет много общего с побуждением к активности и с инстинктивной склонностью к размышлению. В то же время он может подавлять их и заставлять служить себе вплоть до самоуничтожения индивидуума.*

*Творчество в равной степени созидательно и разрушительно».***141**

Кафка, разумеется, чувствовал истинность этого. Писательство — *«искусственный, жалкий заменитель... для предков, супружества, потомков»* — было для него навязчивым побуждением, которое с очевидностью не было им унаследовано. Несмотря на то, что Кафка уделял много времени писательству, он понимал, что поглощенность собой и «литературой» тормозила его личное развитие в других отношениях. Без всякой гордости, например, в декабре 1911 года Кафка отмечает: *«Я вижу, как вся моя жизнь катится в направлении, которое представляется всем родным и знакомым как чуждое и неправильное.»* [Д1 185] Он глубоко сожалел о том, что уделял недостаточно внимания другим сторонам жизни. *«Кто подтвердит мне истинность или правдоподобность того, что лишь из-за моего литературного призвания я ни к чему другому не испытываю интереса и потому бессердечен?»* — пишет он в марте 1912 года. Этот мотив звучит и в августе 1914 года:

«Моя способность к изображению своей призрачной внутренней жизни отодвинула на задний план все остальное. Моя жизнь ужасно обеднела, и этот процесс не остановить». [Д2 77]

И все же Кафка не удержался добавить к сказанному: *«Ничто другое не удовлетворит меня никогда»*

Здесь-то и заключена суть конфликта «двух миров» Кафки. Его основная дилемма — можно сказать, трагедия его жизни — заключалась в том, что он восхищался жизнью, исполненной мирной простоты («нормальности») и стремился к ней, тогда как его терзала природа, стремящаяся к чему-то иному, требующая чего-то еще. Он не смог примирить эти два стремления. *«Моя жизнь по-прежнему катится в двух направлениях»*, — отмечает он в ноябре 1917 года. *«Меня ожидает огромная работа».* [Д2 190] *«Есть цель (один из его афоризмов) но нет пути; то, что мы называем путем, — всего лишь сомнения».***142** В другом месте:

*«Правильный путь проходит по канату, который натянут не высоко, а над самой землей. Создается впечатление, что он предназначен для того, чтобы люди натыкались на него, а не ходили по нему».***143**

(Это высказывание можно сопоставить с мнением Юнге: *«Цель важна только как идея; самое важное — это опус (opus) (то есть работа над собой), который приводит к цели: ПОСЛЕДНЕЕ и есть цель всей жизни».***144** В «Мудрости Сердца» Генри Миллер пишет:

*«Искусство — это лишь средство к жизни, жизни более насыщенной, более изобильной. Это вовсе не значит, что искусство само по себе более изобильно. Оно лишь путь, нечто такое, на что не обращает внимание не только публика, но очень часто и сам художник.»***145**

Кафка, разумеется, отнюдь не игнорировал искусство, но никогда не забывал

этого (вышеприведенного замечания Миллера) в отличие от Рильке, ибо не верил в его главенство («искусство ради искусства»). Он испытывал неодолимое влечение к литературе, которая была центром его жизни. В то же время литература не была для него жизнью в реальном, удовлетворительном смысле, и тем более не была она «жизнью более насыщенной».

С психологической точки зрения функция, которая делает человека участником жизни есть анима — его душа. Юнг характеризует аниму, как *«архетип самой жизни»*.¹⁴⁶ О человеке, исполненном жизни, говорят, что он «живой» (воодушевлен); отсутствие анима находит выражение в переживании как безжизненность («потеря души»), и депрессия упадок духа — доминирующее состояние Кафки.

В дневниковой записи за октябрь 1921 года Кафка оплакивает бесцельно прожитые годы внутренней неустроенности, выражая неумирающую надежду на освобождение потерянной души:

«Легко вообразить, что каждого окружает уготованное ему великолепие жизни во всей его полноте, но оно скрыто завесой, глубоко спрятаано, невидимо, недоступно. Однако, оно не злое, не враждебное, не глухое. Позови его заветным словом, оклики истинным именем, и оно придет к тебе. Вот тайна волшебства — оно не творит, а взывает». [Д2 195]

«Великолепие жизни — замечательный образ анимы, как возможной жизненной силы. Она «уготована». Справедливо и то, что она «не злая, не враждебная, не глухая». В то же время она требует к себе внимания, а пока она «скрыта завесой», то есть скрыта от сознания в силу неправильной его установки. Волшебное слово для ее вызова достаточно простое — «Привет». Когда она вызвана и с ней установлена связь, она может не только привести человека к жизни, но и выступить в качестве творческой музыки.

Чем больше человек соприкасается со своей анимой, то есть чем больше он дифференцирует свое переживание, свой опыт самого себя тем, больше развивается и анима. На основании такого психологического развития Юнг персонифицировал четыре «стадии» анимы: Ева, Елена, Мария и София.¹⁴⁷ На первой стадии (Ева) анима человека полностью загрязнена материнским имаго. Это проявляется к неспособности человека осуществлять независимые действия. На второй стадии (Елена) анима предстает в виде собирательного, сексуального образа. (*«Все суэта, что не есть Елена»* — Марло)*. Человек с такой анимой нередко истощает себя в частых, мимолетных, сексуальных связях. На третьей стадии (Мария) появляется возможность установления личностных взаимоотношений, свободного от проекций связей. И, наконец, на четвертой стадии (София — известная гностикам как «Мать Мудрости») анима выступает как психопомпа (проводник), предполагающий передачу сознанию содержаний коллективного бессознательного, и в этом облике выполняет роль музыки художника.

Теоретически развитие мужской анимы последовательно проходит все стадии. В справедливости этого положения можно убедиться на достаточно большом отрезке времени. На практике, однако, мужчина может периодически соприкасаться с любой из этих стадий в зависимости от

компенсаторного характера своей специфической сознательной установки. Фактически же, понятие целостности предполагает переживания на всех стадиях.

Уже вначале Кафка обозначил для себя наивысшую стадию — переживание софийности. Это кажется очевидным в свете его «душевных поисков» и «духовных устремлений», которые начались еще в раннем возрасте. В этом отношении целеустремленность Кафки позволяет утверждать, что он находился во власти анимы данного вида. Такое случается тогда, когда человек полностью отождествляет себя со своим разумом и духовным началом. В результате подобного отождествления связь с компенсирующими энергиями бессознательного полностью утрачивается. *«В таких случаях»,* пишет Юнг, *«реакция бессознательного обычно сопровождается неистовством чувств, раздражительностью отсутствием контроля, самонадеянностью, ощущением неполноценности, капризностью, депрессиями, вспышками гнева и т.д. в сочетании с вытекающими отсюда отсутствием самокритики, неправильными оценками, ошибками и заблуждениями».***148**

Это состояние характеризуется соответственно как «страдание души», и если на него не обращать внимания, то оно, в конечном счете проявляется в виде более серьезных фи-

** Сравните у Осипа Мандельштама:
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи? - Прим. русского редактора*

зических и психологических симптомов, требующих безотлагательного вмешательства. Характерно, что даже на этой стадии невротическое сознание лишь констатирует наличие страдания, не осознавая причин и не принимая мер по его устранению. Такое развитие характерно для психологии дитя и в этом отношении случай Кафки служит классическим примером. (По мнению Юнга, такое явление наблюдается и «среди, так называемых», нормальных людей, *«вступивших в конфликт с бессознательным в силу своей (обычно интеллектуальной) односторонности и психологической слепоты».***149**)
Вследствие одержимости анимой (Софией) процесс эмоционального развития Кафки наткнулся на препятствия, его, что называется «коротило». Создается впечатление, будто Кафку обольстила «подставная невеста». Этот термин употребляется в психологической интерпретации сказок для описания обольстительной фигуры анимы, которая соблазняет человека отказаться от обязанностей, уместных во внешнем мире, и уйти в мир фантазии. (Например, представляется естественным, что молодой человек реализует свои сексуальные потенции, тогда как более пожилой — уделяет больше внимания внутренней жизни). В результате этого Кафка не отдал должное Елене (то есть сексу) и познакомился с Марией лишь в конце своей жизни. В действительности, стремясь к Софии, он застрял на стадии Евы (матери). Поскольку Кафка *«не отдал должное Елене»*, им нередко

овладевало половое влечение: *«Мой пол гнетет меня, мучает днем и ночью, я должен преодолевать страх и стыд и даже грусть, чтобы удовлетворить его потребность»* [Д2 203-204]

Выступая в качестве «подставной невесты», муза Кафки была своенравной и несговорчивой особой, и поэтому его литературная производительность была довольно низкой. Он стремился направить либидо в русло литературного творчества, но это стремление приняло форму постоянной борьбы с целью отбора необходимой энергии у материнского комплекса. Это явление — недостаток энергии — наиболее характерно для подросткового возраста. Как замечает Юнг, *«Либидо сына несомненно находится во владении матери (сокровище, которое она охраняет с особой ревностью). Это положение сохраняет силу до тех пор, пока сын не осознает себя. С психологической точки зрения это означает, что «труднодостижимое сокровище» лежит сокрытым и материнском имаго, то есть и бессознательном»*.¹⁵⁰

Степень применимости вышеприведенных рассуждений к Кафке можно определить на основе репрезентативных записей в его дневниках:

Декабрь 1910 г.: *«У меня нет больше сил написать хоть одну фразу»*. [Д1 39]

Ноябрь 1911 г.: *«Не спал три ночи. Даже самое слабое усилие сделать что-либо полностью лишает меня сил»*. [Д1 152]

Март 1912 г.: *«Сегодня сжег множество старых, омерзительных бумаг»*. [Д1 250]

Июль 1913г.: *«Высказанная мною вслух мысль сразу же и окончательно теряет значение; записанная — она тоже всегда его теряет»*. [Д1 389]

Март 1914 г.: *«Я должен попытаться выспаться и отдохнуть. В противном случае я ни на что не годен. Какие огромные усилия приходится прилагать, чтобы жить! Установка памятника не потребует таких усилий»*. [Д2 23]

Ноябрь 1914 г.: *«Не могу больше писать. Я у последней черты, перед которой мне, наверно, опять придется сидеть голами, чтобы затем, может быть, начать новую вещь, которая опять останется незаконченной. Эта участь преследует меня»*. [Д2 98]

Март 1915 г.: *«Одна страница мне иной раз удастся, но я не могу держаться, на следующей день я бессилён»*. [Д2 116-117]

Декабрь 1915 г.: *«Я бессмысленно истощаю свои силы, был бы счастлив, если бы мог писать, но не нишу. Головные боли уже не отпускают меня. Я в самом деле измотал себя.»* [Д2 144]

Ощущение внутренней опустошенности мастерски передано в следующей записи: *«Не способен написать ни строчки... Пуст, как ракушка на берегу, которую может раздавить нога любого прохожего»*. [Д2 119]

* * *

В 1911 году двадцативосьмилетний Кафка записал в дневник приснившийся ему сон, в котором точно фиксируется состояние его анимы:

«Страшным видением сегодня ночью был слепой ребенок, как будто дочь моей ляйтмерицкой тети, у которой по правде вообще нет дочерей, а только сыновья, один из них однажды сломал себе ногу. Во сне существуют какие-то связи между этим ребенком и дочерью д-ра М., превращающейся,

как я недавно заметил, из красивого ребенка в толстую, чопорную одетую маленькую девочку. Оба глаза слепого или плохо видящего ребенка прикрыты очками, левый глаз под довольно сильным выпуклым стеклом молочно-серого цвета, выпученный, другой глаз сидит глубоко и прикрыт вогнутым стеклом. Для того, чтобы стекло сидело оптически правильно, необходимо было вместо обычной заложенной за ухо дужки применить рычажок, головку которого никак нельзя было прикрепить иначе, кроме как к скуле, так что от стекла к скуле спускается проволочка, уходящая и продырявленное мясо и кончающаяся на кости, из которой выступает другая проволочка, заложенная за ухо». [Д1 74]

Кафка записал в дневнике ассоциации, связанные с этим сном:

«Теперь я вспоминаю, что очки, виденные во сне, принадлежат моей матери, сидящей вечером возле меня и во время игры в карты не очень приветливо поглядывающей на меня сквозь пенсне. Правое стекло ее пенсне - не помню, чтобы я раньше замечал это, — ближе к глазу, чем левое».

Ребенок— это известный символ потенциального будущего, причем ребенок женского пола персонифицирует в снах мужчины его неразвитую женскую сторону. В данном случае этот ребенок связан с тетей, у которой было только два сына: сновидец «видит» женскую фигуру, тогда как в действительности существовали только мужские фигуры. Этот и тот факт, что если бы девочка в действительности существовала, она могла бы быть сестрой тетушкиного сына, который «однажды сломал ногу», связывает незрелую аниму с теневой фигурой, которая, со своей стороны, также травмирована, и травмирована сходным образом, — как и нога «природного» человека, подвергнутого пыткам в предыдущем сне. (При недостаточной дифференциации содержаний бессознательного тень и анима нередко появляются в сновидениях в виде брата и сестры или супружеской пары).

На основании связи с достигающей половой зрелости дочерью д-ра М., которая превращается из красивого ребенка в «толстую, чопорно одетую девочку», можно составить неблагоприятный прогноз относительно ее становления в статусе женщины на решающем отрезке полового созревания. Глаза нередко называют «окнами души»; левый глаз, в частности, обычно ассоциируется с луной и сознанием Эроса (соотнесенность через чувство).¹⁵¹ В данном случае левый глаз «молочно-серого цвета, выпученный». Отсюда можно заключить о наличии болезни и заражения материнским принципом. (Серый — нейтральный цвет, цвет праха и смерти; в испанском и португальском языках одно и то же слово употребляется для обозначения серого цвета и праха, пепла.) С другой стороны, правый глаз, символизирующий Логос или солнечное сознание, представляется вогнутым, то есть уходящим от дневного света. В обоих случаях имеет место неполноценность зрения, причем очки символизируют попытку компенсировать плохое зрение, которое, в свою очередь, олицетворяет недостаток сознательного понимания. Благодаря сложному устройству, предназначенному для улучшения зрения и снабженному рычажком, вонзающим в скулу, создается картина лицевого увечья. В целом вряд ли

здесь перед нами предстал здоровый образ — ни как анима, несущая жизненное начало вообще, ни как таковая, способная осуществить дополнительную функцию в посредничестве между сознанием и бессознательным.

Интересно отметить, что линза очков над правым глазом находится в устойчивом положении благодаря проволочке, прикрепленной к скуле. Щека причастна символике челюсти, которая подобно колену ассоциировалась у греков с размножением и плодородием.¹⁵² Челюсть имеет также ряд дополнительных оттенков значения, символизируя мужскую силу. Так, например, с помощью челюстной кости осла Самсон убил тысячу филистимлян. В нашем случае можно предположить наличие стремления исправить зрение (установку сознания), укрепив очки, «заякорив» их в непоколебимом мужском начале.

Возникшая у Кафки ассоциация между очками слепого ребенка и очками матери Кафки (эта связь фиксируется бессознательным, но не сознанием) указывает непосредственно на существование следующей проблемы: анима инфантильна (то есть еще не превратилась в женщину), поскольку связана с материнским имаго. Более того, как раз эта неотделенность его личной фигуры анимы от материнского имаго и есть то, что «ослепляет» чувства Кафки.

Чувственная функция, как ее описывает Юнг, оценивает, судит: она отделяет зерно от плевел. Главный конфликт Кафки ко времени описываемого сновидения происходил между его писательством и службами: на отцовской фабрике и в страховой организации. Кафка «чувствовал» несовместимость писательства со службой, но мер никаких не принимал. А это равносильно непринятию всерьез самих чувств. Неудивительно, что в таких условиях анима «потеряла зрение» и поэтому не могла эффективно действовать. Увечье, связанное со стремлением компенсировать слепоту анимы, служит примером тех огромных усилий, которые затрачивал Кафка, чтобы адаптировать установку своего сознания к коллективным ценностям (например, к работе в «реальном» мире), а также свидетельствует о наличии у него душевной травмы.

Адаптация к коллективным ценностям затрагивает не только само Эго (посредством Эго-идеалов), но и персону, *«функциональный комплекс, который появляется и начинает осуществлять себя с целью (социальной) адаптации или удобства»*¹⁵³ Таким образом, выполняя функцию посредника между эго и бессознательным, анима выступает в качестве дополнения персоны и находится с ней в компенсаторном соотношении. Другими словами, анима реагирует на персону, причем человек, чрезмерно идентифицированный со своей персоной, своим общественным лицом, неизбежно оказывается подверженным приступам дурного настроения, в которых проявляется компенсаторное анимы вернуть данного человека к самому себе, отличающемуся от своей коллективной роли.

Таким образом, «душевная травма» Кафки проистекает непосредственно из его привязанности к ценностям персоны, которые не соответствовали его

стремлениям. Говоря психологически, нет разницы между идентификацией с персонной и одержимостью анимой: обе являются признаками или симптомами бессознательного и свидетельствуют об отсутствии перспективы, позволяющей увидеть, кем и чем в действительности является данный человек.

Тот факт, что анима Кафки была столь тесно связана с его матерью, которая была волевой, самоуверенной и независимой женщиной, проявлялся конкретно в его тяге к женщинам с аналогичными чертами характера, то есть с сильно выраженным мужским началом. По свидетельству Макса Брода к этому типу женщин относились и Фелиция Бауэр, и Милена Есенская. (Вполне возможно, что его мать послужила моделью для создания в романах женских образов с сильным, порой, подавляющим характером: управляющая гостиницей Клара и Брюнелда в «Америке»; фройляйн Бюрстнер и Лени в «Процессе»; Гиза и Фрида в «Замке»).

Такие отношения можно рассматривать как своего рода компенсацию за отсутствие у Кафки маскулинности, мужского. Нередко случается так, что «настоящий мужчина» влюбляется в «настоящую женщину» (покорную, несамостоятельную), тогда как впечатлительный, изнеженный мужчина с художественным темпераментом испытывает необоримую тягу к сильным, мужеподобным женщинам. В то же время, необходимо отметить, что неспособность Кафки связать свою судьбу ни с одной из вышеупомянутых женщин — Фелицией и Миленой — свидетельствует не только о характерных для дитя «условности» и нерешительности, но и здоровом противодействии «женитьбе на своей слабости».

В последний год своей жизни, по всей видимости, Кафка все-таки установил, несомненно, бесконфликтную связь с женщиной, которая отличалась женственностью. Это свидетельствует о том, что его комплекс анимы, который длительное время подвергался деформации в силу его привязанности к матери, в конечном счете получил свое развитие, возможно, даже и вопреки своему желанию.

А тем временем анима оставалась холодной и отчужденной, она была скорее матерью (или ревнивым любовником), чем музой (или другом). Это объясняется тем, что жизнь Кафки протекала преимущественно в области рассудка и была недостаточно соотнесена с чувственной стороной.

Дневниковая запись за август 1917 года, аналогичная замечанию Кафки о том, что его «пол гнетет, мучает днем и ночью», свидетельствует об агрессивной реакции анимы на установку его сознания:

«Отпустите меня! Отпустите меня!» — кричал я без умолку, когда шел по улицам, и снова и снова она хватала меня, и снова и снова ее скрюченные руки сирены ударили меня в грудь, появляясь то сбоку, то из-за плеча». [Д2 182]

Отчуждение и Оставленный Ребенок

Психологическое правило таково, что всякое бессознательное переживается субъектом с помощью проекции во внешний мир. *«В тех случаях, когда внутренняя ситуация остается*

неосознанной», — пишет Юнг, — «она воспринимается во внешнем мире в образе судьбы».154

Внутренняя ситуация Кафки заключалась в самоотчуждении, то есть в утрате связи со своей «другой стороной» независимо от того, рассматривали ее как аниму, тень или иное содержание бессознательного. Отсутствие такой связи проектировалось во внешний мир, проявляясь у Кафки в ощущении отчуждения от своего окружения. Как заметил один критик:

*«В целом о его жизни, личности и работе складывается такое впечатление, будто они относятся к постороннему человеку, оказавшемуся в мире, который никем не был создан и который, в свою очередь, не принимал никакого участия и жизни этого «постороннего»».*155

Положение Кафки в реальной жизни было аналогично положению «героя» К. в его последнем романе «Замок» (написанном в 1921-22 гг.) В романе остается нерешенной загадкой, почему герой не приспособился к деревенской жизни. «К. — посторонний человек», — отмечает Макс Брод, — «естественно, что он как-то подействовал на жителей деревни, в которой к посторонним относились с подозрением».156

И в этом случае отношение Кафки к самому себе проектируется во внешний мир: его чувство неполноценности и одержимость совершенством, перфекционизм означали, что он никогда не заслужит дружбу и уважение, поскольку не может жить в соответствии со своими надеждами и идеалами эго; отсюда его «подозрительное» отношение к себе. Короче говоря, Кафку беспокоила мысль, что его жизнь — как и жизнь толстовского Ивана Ильича, но по совершенно другим причинам — была непродуктивной, напрасной тратой времени. В разговоре с Густавом Яноухом в своем «заточении» Кафка заметил:

*«Все выглядит так, будто сделано из прочного, долговечного материала. Но и тут все наоборот, — вся прочность, — это жизнь, в которой человек падает в бездну. Если закрыть глаза, тогда можно услышать ее рев».*157

В случае Ивана Ильича, который, как и Кафка, был чиновником, мысль о том, что он на протяжении всей своей жизни пренебрегал своей внутренней жизнью, доводит его на смертном одре до отчаяния. В отличие от Ивана Ильича, Кафка опасался своей чрезмерной центрированности на самом себе: «Короткий рассказ, прочитанный мною сегодня, снова вызвал мысль — она давно не приходила в голову, но всегда лежала на поверхности — не является ли безумное своекорыстие, страх за себя, причем страх не за высокое «я», а страх за самое обыденное благополучие, причиной моей гибели». [Д2 222]

Со строго материалистических позиций вышеприведенное самообвинение можно считать отчасти справедливым в том смысле, что Кафка остановил свой выбор на одной половине жизни, поскольку в финансовом отношении его существование оказалось бы небезопасным, если бы он посвятил все свое время и энергию литературе. Однако с психологической точки зрения можно утверждать, что он не был эгоистом в той степени, в какой это может показаться. Я хочу сказать, что Кафка не принимал всерьез свои чувства и эмоциональные реакции. Он неоднократно отстаивал коллективные ценности

и критиковал себя, исходя из того, кем он «должен быть», что он «должен» делать и т.д. При этом он пренебрегал своими чувствами.

Дело вовсе не в том, что его стремления в обществе, как таковые были неправильно ориентированы; они просто не работали на него. Продуктивная связь с внешним миром должна опираться на жизнеспособную связь с самим собой. В первую очередь самое важное; милосердие начинается дома — милосердие к конфликтующим, наивным, автономным элементам внутренней жизни. Называть это «страхом за самое обыденное благополучие» — признак негативной инфляции, которая приводит к появлению чувства вины, самоочернению и мазохистскому страданию. Более того, связь со своим бессознательным сближает человека с другими людьми, так как бессознательное (как коллективная психика) психологически репрезентирует само общество.

Отъединенность от бессознательного обычно переживается как отсутствие принадлежности к группе. «Я не принадлежу ни к какой группе», — жалуется неудачник, — «Я всегда могу придумать причину, почему я не подхожу данной группе. Я стою возле группы и хочу походить на остальных». Это еще одна, характерная для дитя жалоба, которая своим происхождением обязана тайной или совершенно неосознанной вере в свою исключительность, особенность. Разумеется, здесь мы имеем дело с другой, компенсаторной гранью инфляции, и лучшим противоядием от нее будет осознание и примирение со своей теневой стороной и обычной человечностью, то есть инстинктами, разделяемыми всеми.

С субъективной точки зрения отчуждение тесно связано с чувством «покинутости», состоянием, которое в мифах ассоциируется с детством богов и героев (Зевс, Дионис, Посейдон, Моисей, Ромул и Рем). Действительно, эта тема получила такое широкое распространение, что Юнг охарактеризовал покинутость как «необходимое состояние, а не просто сопутствующий симптом» потенциально высокого создания, которое символизируется ребенком, **158** например, в том виде, в каком он появляется в сновидениях. В процессе обретения независимости каждому человеку необходимо освободиться (если не физически, то психологически) от своих истоков как семейных, так и общественных, такой процесс предполагает — в широком смысле — вычленение индивида из коллективного. Полученный результат имеет двойственный характер: «Бедный Я», как синдром, характерный для детского, регрессивного стремления к независимости, и определенное психическое переживание творческого характера, — позитивный аспект архетипа божественного ребенка. Юнг пишет:

«В психологии индивид — а в такие моменты всегда возникает мучительная, конфликтная ситуация, из которой, но всяком случае для сознания, по-видимому, нет выхода, поскольку здесь третьего не дано («tertium non datur»).» **159**

Другими словами, «третье», tertium, которому надлежит разрешить конфликт между противоположностями (в данном случае между индивидом и коллективом) логически недоступно сознанию. Задача бессознательного

заключается в формировании определенного решения, точнее, установки сознания с лучшей адаптацией к себе и своим обстоятельствам.

Вызываемое конфликтом страдание — это цена, которую приходится платить за взросление. Изначально оно идет рука об руку с субъективным переживанием одиночества, в основе которого лежит архетипическая тема покинутого ребенка. В связи с этим Юнг замечает:

«Высшее сознание, знание, выходящее за пределы повседневного сознания, эквивалентно состоянию полного одиночества в мире. Такое одиночество служит выражением конфликта между носителем или символом высшего сознания и его окружением». **160**

Действительно, в одиночестве Кафки содержались оба элемента: синдром «Бедный Я», замечательно описанный в посвященном «тайному ворону» фрагменте, («Никто не страдает больше, чем я»), и отъединенность от своих современников в силу видения реальности, отличной от общепринятой.

С психологической точки зрения ощущение одиночества и изоляции указывает на отсутствие связи (а потому и потребности в такой связи) с различными личностями в пределах своего внутреннего мира. Под личностями здесь следует понимать персонификации комплексов.

Индивидуальное психическое населено, так сказать, потенциальными спутниками. Напомним сон Кафки, который приснился ему в 1914 году:

«Какой-то человек, тень, спутник постоянно находился рядом со мной».

Далее, причиной одиночества может быть не только пренебрежительное отношение, например, к аниме (или анимусу) и тени (Кафка: «Я не знал, кто он. У меня просто нет времени обернуться, свернуть за угол»), но и оставление своего собственного внутреннего ребенка, своего потенциального будущего.

Внутренний ребенок не может вырасти, если за ним не ухаживать, не заботиться о нем. Это соображение справедливо для обоих аспектов ребенка: ребячливость, которая проявляется в эмоциональной незрелости и условной жизни, и непосредственности, искренней доверчивости простоты, открывающейся в виде спонтанности, склонности к творчеству и открытости для изменений, с ребячливостью приходится мириться в надежде, что ребенок повзрослеет, тогда как непосредственность необходимо культивировать, чтобы жизнь приобрела смысл. В любой конкретной ситуации нелегко определить, какой из двух аспектов имеет место. При этом примирение с амбивалентностью, изначально присущей психологии каждого, зачастую означает шаг, преобразующий сознание, установку Эго, высвобождающий при этом новую энергию. В конечном счете Кафке удалось пробиться к такому пониманию. «Вечное детство», — пишет он в октябре 1921 года, — «Жизнь снова зовет». [Д2 195]

С учетом сказанного продолжавшиеся всю жизнь Кафки конфликты можно рассматривать как следствие его сопротивления обоим аспектам своего собственного ребенка: он стыдился своей «зависимости» и сожалел об ответственности и жертвах, связанных с культивированием своего таланта. В таком случае его сильное желание иметь детей (Вспомним: «Бесконечное,

глубокое, теплое, спасительное счастье — сидеть возле колыбели своего ребенка, напротив матери») представляет собой компенсаторную реакцию на неудачу принять на себя эту фундаментальную внутреннюю ответственность и поэтому символизирует его потребность в психическом возрождении, то есть выработке новой установки. Действительно, Кафка вполне определенно, хотя и невольно заметил:

«На службе я внешне выполняю свои обязанности, но внутренние обязанности я не выполняю, а каждая невыполненная внутренняя обязанность превращается и несчастье, и оно потом уже не покидает меня». [Д1 59]

Кроме того, «мать», которую Кафка тщетно искал во внешнем мире, женщину, которая должна была родить ему детей, представляет собой одну из психологических функций анимы. Таким образом реальная задача Кафки заключалась в оплодотворении своей души, для чего требовалось си больше внимания. Решить эту задачу Кафка смог лишь в конце своей жизни.

Из сказанного вырисовывается суть личной трагедии Кафки: то, что он искал во внешнем мире можно найти только в мире внутреннем.

Кафка описал свою психологическую ситуацию и ее потенциальное решение в одном из фрагментов («Притча»):

«Увы! — сказала мышь, — С каждым днем мир становится все меньше и меньше. Вначале он был так огромен, что, охваченная страхом, я все время бегала. Я обрадовалась, когда наконец справа и слева показались далекие стены, но стены быстро сузились, и вот я уже в последнем помещении, а в его углу стоит ловушка, в которую я должна попасть».

«Тебе нужно лишь изменить направление», — сказала кошка и съела мышь. **161**

В данном случае кошка символизирует материнский комплекс, «ловушку», которая не позволяла Кафке «изменить направление», то есть переориентировать установку своего сознания.

4. Трансформация

Последняя запись в опубликованных дневниках Кафки относится к июню 1923 года (то есть была сделана за год до смерти писателя):

«Все более боязлив при писании. Это и понятно. Каждое слово, повернутое рукою духов — этот взмах руки является их характерным движением, — становится копьем, обращенным против говорящего. В особенности замечание, подобное этому. И так до бесконечности. Лишь одно утешение: это случится, хочешь ты этого или нет. А если ты и хочешь, это поможет лишь совсем немного. Больше, чем утешение: у тебя тоже есть оружие».[Д2 233]

Последнее замечание, проникнутое тихим отчаянием и страхом за «каждое слово», свидетельствует о не прекращающейся борьбе за ассимиляцию мужского начала, «отцовского» мира (общества, Логоса, Слова), тогда как «обращенное против него копье» позволяет заключить о наличии негативной интуиции **162** и, возможно, отчасти паранойи.

Такие выражения отчаяния так часто встречаются в дневниках Кафки, что

появляется опасность придать его пессимизму абсолютный характер, признать, что в его жизни «безраздельно» царили печаль и безысходное страдание. И тем не менее, как отмечает он в дневнике, у него тоже было «оружие». В действительности, как мне представляется, у него было лишь два вида оружия: первое — его писательство, и второе — сама тонкая нить надежды, которая проходила через всю его жизнь. Так, в феврале 1915 года Кафка пишет:

«Будь я посторонним человеком, наблюдающим за мной и за течением моей жизни, я должен был бы сказать, что все должно окончиться безрезультатно, растратиться в беспрестанных сомнениях, изобретательных лишь в самоистязаниях. Но, как лицо заинтересованное, я — живу надеждой». [Д2 116]

Действительно, его надежда сбылась почти сразу после последней записи в дневнике, поскольку в июле 1923 года, когда ему исполнилось 40 лет, он познакомился с молодой особой, Дорой Димант и его жизнь круто изменилась.

С моей точки зрения это событие носило синхронный характер в том смысле, что Кафка был «готов» к «случайной» встрече во внешнем мире, которая совпала с внутренним развитием его анимы. В психологическом отношении Дора Димант олицетворяла разрешение конфликта между эго и тенью под эгидой женского начала.**163**

Здесь уместно заметить, что Кафка нашел «своего душевного друга» на кухне, где она чистила рыбу.**164** Трудно найти для анимы более подходящее место, чем кухня — центр дома, алхимическая «лаборатория», место трансформации. Трудно найти для нее и более подходящее занятие, чем чистка рыбы, которая символизирует плодородие (Иштар, Оаннес), сексуальность (Озирис, Афродита), воскресение и бессмертие (Озирис, Христос, Нои), спасение (Вишну, Мессия, Христос, созвездие Рыб), мудрость. (Оаннес, Варуна), немало всего сущего (Тиамат, Левиафан), целостность (ляпис в алхимии), исцеление (Тобиас в Книге Тобита), а также искупление через страдание (Христос).**165** Короче говоря, рыба символизирует обновление и возрождение, которые для Кафки были воплощены в Доре Димант.

Макс Брод отмечает, что у них не было ни сомнений, ни конфликтов:

*«Его решение оборвать все связи, отправиться в Берлин и жить с Дорой было нерушимым и на сей раз он без колебаний воплотил его в жизнь. В конце июля, несмотря на протесты своей семьи, он покинул Прагу. Из Берлина написал мне и нервом письмо, что счастлив и даже хорошо спит — неслыханное дело за последние годы».***166**

Таким образом, Кафка наконец, принял личностное обязательство; он знал, чего хотел, и направлял всю свою энергию на достижение этой Цели (мужской образ жизни *par excellence*). Брод навестил пару в Берлине и нашел там «идиллию»:

«Наконец я увидел своего друга в хорошем настроении; правда, его телесное здоровье ухудшилось, но пока не вызывало серьезных опасений. Франц

рассказывал о демонах, которые наконец оставили его в покое. *«Я ускользнул от них. Переезд в Берлин прошел замечательно. Теперь они ищут и не могут найти меня, во всяком случае, пока не могут найти»*.**167**

Наконец Кафка осуществил свой идеал независимой жизни; у него был свой дом; он больше не оставался сыном, проживающим со своими родителями и в известной мере сам был главой семьи. Судя по письмам, а также по словам многих очевидцев, последние месяцы были не только самым счастливым периодом его жизни, но и самым плодотворным.**168**

В данном случае я не буду рассматривать последний год жизни Кафки, поскольку этот период достаточно полно освещен в биографии Макса Брода, в которой также приводится трогательное описание последних дней Кафки. Меня интересует, что именно пробудилось в Кафке накануне «случайной» встречи с Дорой Димант и позволило этой встрече состояться. Что случилось с нерешительным, меланхоличным, несамостоятельным невротиком, который, находясь в состоянии крайнего отчаяния, написал в 1920 году: *«Некоторые люди отрицают существование страдания, указывая на солнце; он отрицает существование солнца, указывая на страдание»*?**169**

По мнению Юнга невроз, особенно во второй половине жизни, не поддастся «излечению» без развития религиозной установки. *«Термин «религия», — пишет Юнг, — «обозначает характерную для сознания установку, которая подверглась изменению благодаря переживанию нуминозума»*.**170** В другом месте он утверждает, что в конфликтной ситуации человек должен полагаться на *«божественную поддержку и вмешательство... независимое психическое событие, тишину, которая наступает после шторма, примиряющий свет во мраке... тайное умиротворение душевного хаоса»*.**171**

Так, вероятно, обстояло дело и в случае Кафки. И тем не менее, называя Кафку «религиозным» писателем, обычно имеют в виду нечто иное, ибо он ничего не проповедовал и не был «верующим» в общепринятом смысле слова. Его религиозность в этом отношении основывалась на его работе как поиске смысла. Так что и «религиозность» в равной мере могла совмещаться как с атеизмом, так и с верой в Бога.**172**

В психологическом отношении употребление Юнгом (и в данном случае, мною) терминов «религиозный» и «религиозная установка» предполагает нечто совершенно иное, а именно, установку сознания, в основе которой лежит переживание трансцендентальной реальности, реальности психического. С такой установкой сочетается признание существования автономных богов во внутреннем мире, то есть таких архетипических содержаний, по отношению к которым само эго занимает подчиненное положение и должно уделять им надлежащее внимание.

В этом смысле психическое здоровье — дар богов, которые обитают во внутреннем мире. С этой точки зрения невроз можно было бы охарактеризовать как признак недовольства богов. Вряд ли невроз можно отнести к категории приятных состояний, и все же с телеологической точки зрения он вселяет определенные надежды. Другими словами, ни в коем случае нельзя рассматривать невроз как нечто негативное. В тавистокских

лекциях Юнг уделял этому вопросу особое внимание:

Доктор Дикс. В таком случае вспышка невротического заболевания представляет собой нечто благоприятное с точки зрения развития человека?

Профессор Юнг: Совершенно верно... Такова моя точка зрения. Я не отношусь к неврозу пессимистически. Во многих случаях мы должны сказать: «Слава богу, что он решил стать невротиком». Подобно тому, как любое физическое заболевание в определенной мере выражает стремление к самоизлечению, так и невроз служит выражением стремления к самоизлечению... (Невроз) представляет собой попытку саморегулирующей психической системы восстановить равновесие и функционально отличается от сновидений лишь проявлением большей силы.173

В таком случае можно сказать, что внутренние боги Кафки в течение многих лет оставались недовольными. Служба, брак, семья — каждое новое препятствие во внешнем мире возвращало его к себе, и тогда он терзал себя самоанализом. *«Неизбежная необходимость в самонаблюдении»*, — пишет Кафка в ноябре 1921 года, — *«Если за мною кто-то наблюдает, я, естественно, тоже должен наблюдать за собой, если же никто другой не наблюдает за мной, тем внимательнее я должен наблюдать за собой сам»*. [Д2 200] На основе существующих сведений можно утверждать, что решающим для изменения жизни Кафки был период с октября 1921 года по март 1922 года.

Это время было особенно трудным для Кафки. Позади остались годы отчаяния и безысходности. Близилась к разрыву связь с Миленой. Здоровье быстро ухудшалось. За последние месяцы ничего не было написано. И тем не менее, несмотря на отчаяние и депрессию, а может быть даже благодаря им, в дневниках Кафки появляются записи, свидетельствующие о приближении психологического прорыва. В это время достигает пика напряжение всех конфликтов, накопившихся за последние годы. С ним связано переживание нумиозума, реальности психического.

В октябре 1921 года Кафке приснился следующий сон: *«Короткое сновидение во время судорожного недолгого сна, охватило меня смятением и наполнило чувством безграничного счастья. Сновидение с множественными ответвлениями, с тысячью озаряемых мгновенной ясностью связей, но оставившее не более чем какое-то одно главное настроение.*

«Мой брат совершил преступление, мне кажется, — убийство, я и другие замешаны в этом преступлении; наказание, развязка, избавление приближаются издалека; приближение мощно и неудержимо нарастает. Это видно по многим признакам, моя сестра, кажется, все время возвещает эти признаки, которые я все время приветствую безумными выкриками, безумие возрастает вместе с приближением. Мне казалось, я никогда не смогу забыть своих отдельных выкриков, коротких фраз благодаря их ясности, теперь ничего не могу точно вспомнить. Это могли быть выкрики, ибо говорить мне было очень трудно; для того, чтобы произнести слово, я должен был надуть щеки и одновременно скривить рот, как при зубной боли.

Счастье заключалось в том, что наказание пришло, и я свободно, убежденно и радостно приветствовал его, — картина эта умилила богов, и умиление богов тоже тронуло меня почти до слез». [Д2 196-197]

«*Мой брат совершил преступление, убийство*». У Кафки не было братьев (точнее два брата умерли в детстве, когда он был ребенком), и поэтому образ брата в сновидении можно рассматривать как фигуру, тени. С психологической точки зрения тот факт, что он совершил преступление, означает, что эго отказалось от действия в пользу бессознательного, то есть принудило тень стать человеком (подобно тому, как Каин взял на себя ответственность, так сказать, за первое убийство). Убийство является самым тяжким преступлением и свидетельствует о степени бессознательности агрессивных, мужских инстинктов.

В то же время фраза «Я и другие замешаны в этом преступлении», означает, что эго не может полностью уклониться от ответственности за то, что происходит «Бессознательно» (логическое следствие компенсаторной функции бессознательного). «Наказание, развязка и избавление», по-видимому, предвещают избавление от напряжения, хотя оно приближается издалека («издалека» означает, что избавление находится глубоко в коллективном бессознательном).

Сестра в сновидении, несомненно, относится к любимой сестре Кафки Оттилии, у которой он иногда жил. За пять лет до этого он описал свое отношение к ней:

«Оттила временами кажется мне такой, какой должна быть, по моему смутному представлению, мать — чистой, искренней, честной, последовательной. Кротость и гордость, впечатлительность и стойкость, робость и смелость и равной мере. Я упоминаю Оттилу, ибо в ней ведь и моя Мать, правда, совершенно неузнаваема». [Д2 168]

В таком случае, выступая в качестве внутренней анимы, все еще связанной с матерью, сестра в сновидении характеризуется значительно большей позитивностью, чем слепой ребенок в сновидении в октябре 1911 г. Вообще говоря, «сестра-анима» означает определенное продвижение на пути эмоционального развития человека, промежуточную стадию между Евой (матерью) и Еленой (сексом).

В сновидении Кафка фактически безгласен: «*Я должен был надуть щеки... как при зубной боли*».

Надутые щеки вызывают в памяти изображение ветров на старых картах и строки Шекспира «*Молния, пронзая щеки неба, становится затем секирой грома*» (Кориолан 5, 3) и «*Дуйте, ветры пока не треснут ваши щеки*» (Король Лир, 3, 2, 5). Во многих религиях и мифах ветер олицетворяет творческий дух (отсюда «вдохновение») (напомним пятидесятницу, гебраистическим (רצח רוח, Мардук против Хаоса, Гильгамеш против Хумбабы). Поэтому можно предположить, что недостаток творческой энергии в сознании компенсируется приложением значительных усилий, чтобы высказаться.

Зубы ассоциируются с энергией, например, посредством мифического

похищения у Граи (Graca) единственного зуба (Персей). Выпавшие или сломанные зубы в сновидениях нередко указывают на реальную ситуацию, в которой человек «теряет самообладание» (утрачивает контроль над чем-либо). Кроме того, зубы связаны с мудростью (нуждаясь в руководстве, герой кельтских мифов Фионн помещал большой палец руки под свой зуб) и плодородием (например, в легендах люди рождались из посаженных в землю змеиных зубов).¹⁷⁴ В таком случае можно утверждать, что «зубная боль» служит признаком импотенции, что в свою очередь ассоциируется с детством. Психологически здесь указывается на наличие потребности в росте (взрослении). Здесь можно привести следующее замечание Юнга: *«Каждый человек, который не понимает выпавших на его долю событий, всегда подвергается опасности застрять на переходной стадии Сына (Отец — Сын — Святой Дух)»*.¹⁷⁵

Если обратиться к психологическому состоянию, в котором тогда находился Кафка, то можно заметить, что агрессивность теневого «брата», который настойчиво требовал, чтобы на него обратили внимание (совершение убийства), компенсировала как сознательное подавление «природного человека» Кафки, так и его совершенно пассивную, ненасильственную природу. (В «Письме Отцу» Кафка характеризует себя как *«слабого, робкого, сомневающегося»* человека.¹⁷⁶ Макс Брод соглашается с ним: *«Больше всего Франц нуждался в поддержке»*.¹⁷⁷)

Стремление высказаться, безусловно, компенсирует недостаток у Кафки созидательных побуждений в реальном мире, и пренебрежение к знакам указывает на то, что сознательно он еще не был готов к усвоению поступающей информации. С другой стороны, есть все основания говорить о существенном повышении восприимчивости установки сознания Кафки. Об этом свидетельствует и тот факт, что сестра-анима в сновидении выполняет позитивную функцию, выступая в качестве посредницы между сновидческим Эго и теми «знаками-знамениями», которые появляются из глубин бессознательного.

Чувственная тональность сновидения всегда особенно важна. В рассматриваемом сне присутствует чувство счастья, причиной которого служит возможность спасения через наказание (мотив возрождения через страдание в прошлом, настоящем и предстоящем будущем), причем радостное примирение Кафки со своей судьбой, очевидно радует и внутренних богов тоже. (Несколько месяцев спустя Кафка пишет: *«Рассказал М. о ночи, неудовлетворительно. Симптомы отметить про себя, не жалуйся на симптомы, окупись в страдание»*. [Д2 209] Другими словами, *«ухаживай за своим ребенком»* и *«держи сосуд закрытым»*).

В целом рассматриваемое сновидение создаст впечатление предзнаменования, «в воздухе» (надутые щеки!) как бы носится предвестие какого-то экстраординарного события. В то же время, поскольку вся энергия находится в распоряжении тени (и поэтому в определенном смысле можно считать, что убито было именно Эго), сознание эго утрачивает либидо и погружается в депрессию.

В течение нескольких следующих месяцев дневниковые записи Кафки отражают чувство отчаяния и безысходности. Здесь снова появляется образ тюрьмы:

«Все — фантазии: семья, служба, друзья, улица — фантазия, более далекая или более близкая, и жена — фантазия; ближайшая же правда только в том, что ты бьешься головой о стенку камеры, и которой нет ни окон, ни дверей». [Д2 197]

В январе 1922 года он пишет: *«Беспокойство от того, что жизнь моя до сих пор была маршем на месте, в лучшем случае развивалась подобно тому, как развивается дырявый, обреченный зуб».* [Д2 209] Здесь продолжает царить чувство бессилия. Теперь приведем мартовскую запись в дневнике Кафки:

«Что, если задохнешься от самого себя? Если из-за настойчивого самонаблюдения отверстие, через которое ты впадаешь в мир, станет слишком маленьким или совсем закроется? Временами я совсем недалек от этого. Текущая вспять река. В основном это происходит уже давно». [Д2 223]

Либи́до Кафки было полностью заблокировано. Оно не могло течь «вперед» к миру; отсюда «текущая вспять река». В этом удивительном изображении противотока энергии нашла свое отражение «противоестественная» (*contra naturam*) сторона процесса развития. Осознание какого-либо события, очевидно, «противно естеству» и поэтому нередко выглядит и переживает как регрессия. В то же время, движение «вспять», к истокам (то есть бессознательному) конституирует необходимый этап в развитии психики человека (в том смысле, что отход обеспечивает возможность совершения скачка вперед). В этой связи Юнг отмечает:

«Повышая активность бессознательного фактора, регрессия ставит перед сознанием проблему психического в противоположность проблеме внешней адаптации. Естественно, что сознание отказывается принять регрессивные содержания. И тем не менее, в силу невозможности дальнейшего развития сознание в конечном счете уступает регрессивным ценностям. Другими словами, регрессия приводит к необходимости адаптироваться к внутреннему миру психического». **178**

Это замечание позволяет понять, почему в случае Кафки в конечном счете значимым оказалось его страдание, а не мазохизм или потворство своим желаниям.

И тем не менее на первой стадии сам процесс принимает форму депрессии. Казалось, что в этот период жизни ничто не могло нарушить направленную внутрь спираль его непродуктивной деятельности. Куда бы Кафка ни направлялся, все безжалостно указывало на его неспособность принять участие в обычной общественной деятельности:

«Неспособен с кем-нибудь познакомиться, неспособен вынести знакомства, бесконечное удивление вызывает у меня и любое веселое общество». [Д2 214]

Прогулка в парке, вид смеющихся супружеских пар — все причиняет ему невыносимое страдание:

«Я не завидую отдельной супружеской паре, я завидую только всем

супружеским парам, а если я завидую одной супружеской паре, то я, собственно говоря, завидую вообще супружескому счастью во всем его бесконечном многообразии, счастье одной-единственной супружеской пары даже в самом благоприятном случае, например, привело бы меня и отчаяние». [Д2 195]

В другом месте это настроение передано следующим образом:

«Зависти нет. У меня достаточно фантазии, чтобы разделять их счастье, достаточно здравого смысла, чтобы понимать, что я слишком слаб для такого счастья, достаточно глупости, чтобы верить, будто осознаю свое и их положение. Нет, глупости недостаточно, осталась маленькая щель, ветер дует в нее и мешает полноте резонанса». [Д2 194]

По словам Кафки, «развязка» наступила в январе 1922 года. В начале месяца он перенес «нечто вроде полного упадка сил». Этому событию Кафка даст две интерпретации, «каждая из которых, очевидно, верна»:

«Во-первых, бессилие, не в силах спать, не в силах бодрствовать, не в силах переносить жизнь, вернее, последовательность жизни. Часы идут вразнобой, внутренние мчатся вперед в дьявольском, или сатанинском, или, во всяком случае, нечеловеческом темпе, наружные, запинаясь, идут своим обычном ходом. Можно ожидать, чтобы эти два различных мира не разъединились, и они действительно разъединяются или по меньшей мере разрывают друг друга самым ужасающим образом. Стремительность хода внутренних часов имеет различные причины, самая очевидная из них — самоанализ, который не дает отстояться ни одному представлению, гонит каждое из них наверх, чтобы потом уже его самого, как представление, гнал дальше новый самоанализ.

Во-вторых, исходная точка этой гонки — человечество. Одиночество, которое с данных времен частично мне навязали, частично я сам искал — но и искал разве не по принуждению? — это одиночество теперь непреложно и беспредельно. Куда оно ведет? Оно может привести к безумию — и это, кажется, наиболее вероятно, — об этом нельзя больше говорить, погоня проходит через меня и разрывает на части». [Д2 202]

Здесь ясно показана степень поляризации «двух миров» Кафки, возникшей в результате кризиса, характерного для середины жизни. Напряжение и дисгармония достигли пика («часы идут вразнобой»), и поэтому все его либидо направилось внутрь в поисках источника возрождения. С субъективной точки зрения это была классическая депрессия, с психологической — регрессия, а с телеологической — необходимая стадия в развитии Кафки. Как заметил Юнг:

«Индивидуум не осознает, что он развивается; он чувствует, что находится в компульсивной ситуации, которая походит на раннее детство или даже состояние эмбриона в утробе матери. Мы можем говорить об инволюции или дегенерации лишь в том случае, если он увязнет в этом состоянии». 179

Кафка не увяз. Напротив, напряжение продолжало нарастать, и в конце января в дневнике появляется ряд записей, на основании которых можно

заклучить о приближении к сознанию чего-то неожиданного (tevtium поп datur, «третье», которое логически не дано). 18 января он пишет: *«Мгновение раздумий. Будь доволен, учись (учись, сорокалетний!) жить мгновением (ведь когда-то ты умел это). Да, мгновением, ужасным мгновением. Оно не ужасно, только страх перед будущим делает его ужасным».* [Д2 203]

Запись от 19 января:

«Зло не существует: раз ты переступил порог, все хорошо. Другой мир, и ты не обязан говорить.» [Д2 205]

Теперь приведем запись от 20 января:

«Как нельзя рассуждать о справедливости и несправедливости в преисполненный отчаяния смертный час, так нельзя рассуждать о них и в преисполненной отчаяния жизни. Достаточно уже и того, что стрелы точно подходят к ранам, которые были ими нанесены». [Д2 206].

Стрелы символизируют проекции самого автора во внешний мир, а также те иллюзии эго и ложные надежды, которые он питал много лет. Теперь они возвращаются к нему, а это болезненный, но неизбежный этап в процессе «возвращения на землю», то есть возмужания. Кроме того, стрелы можно рассматривать как интровертирование либидо в силу отказа признать существование инстинктов. *«Разящие стрелы прилетают не из внешнего мира», — пишет Юнг, — «а из засады нашего бессознательного. Наши подавленные желания вонзаются, подобно стрелам, в нашу плоть».***180** 28 января наконец приходит покой и чувство примирения. Кафка делает следующую запись в дневнике:

«Теперь я уже гражданин другого мира, который так же относится к миру обычному, как пустыня к плодородному краю (вот уже сорок лет, как я покинул Ханаан), я смотрю назад, как иноземец, правда, я и в том, другом, мире самый маленький и самый робкий — это свойство я принес с собой как отцовское наследство, — я и в нем жизнеспособен только благодаря особому тамошнему порядку.» [Д2 213].

Отсюда видно, что Кафка выдержал шторм; каким-то рационально необъяснимым образом, он примирился с самим собой. Далее он пишет:

«В этом мире возможны молниеносные взлеты даже маленьких людей, но, правда, и тысячелетние штормовые разрушения». [Д2 213]

Это замечательное изображение позволяет провести аналогию с темой «сталкивающихся скал», которая встречается в героических и шаманских мифах различных стран мира. В фольклоре и посвячительных ритуалах этот опасный и парадоксальный переход на «другую сторону» получил различное выражение: сталкивающиеся скалы; острые как бритва среди тростника; пасти чудовищ; разверзающиеся воды (переход евреев из Египта в Землю Обетованную); движущиеся острова (или айсберги у эскимосов), а также классические Симплегады, которые намеревались сокрушить аргонавтов. Индейцы (хуичоли) называли «опасный переход» *«Вратами Сталкивающихся Облаков».***181** Все эти образы конкретизируют определенный (опасный в своей основе) психический процесс. Здесь уместно

дальнейшее рассуждение Кафки:

«Разве я не должен, несмотря ни на что, быть благодарен? Разве я не должен был искать пути сюда? Если бы я был «изгнан» оттуда, а сюда бы меня пустили, разве не был бы я раздавлен на границе». [Д2 213]

«Изгнание» Кафки, как и заточение в темницу, носило психологический характер, — было определенной установкой сознания. Для Кафки, как «гражданина другого (внутреннего) мира» существовала реальная возможность выполнить обязательства во внешнем мире. Оставалось только ожидать появления *«зеркального отображения внутреннего во внешнем»* — лице Доры Димант.

Особенно важным представляется то, что в случае Кафки «субъективный опыт... религиозного порядка» и постижение *«реальности психического»** не походили на слепящие огни фейерверка или мимолетное блаженство. Это бы-

** Психическая реальность*

ла основательная реализации своей собственной реальности в переживании, прочная, как скала, столь же реальная, как «тяжесть морей». И основательность этой реализации позволила изменить установку сознания Кафки.

Символично и то, что вышеупомянутая реализация произошла у Кафки в сорокалетнем возрасте. В иудео-христианской традиции число 40 несет огромную нуминозную нагрузку и ассоциируется с множеством понятий и явлений: приготовление (40 дней пребывания Моисея на горе; 40 лет пребывания Израиля в пустыне; Христос пребывал во гробе 40 часов перед воскресением и 40 дней на земле перед вознесением); наказание и очищение (во время потопа лился дождь 40 дней и 40 ночей, и по прошествии 40 дней Ной открыл сделанное им окно ковчега; 40 дней кормили вороны Илию в пустыне; 40 дней постился Христос в пустыне, отсюда великий пост; в алхимии ляпис** появляется в реторте через 40 дней); возмужалость (по достижении 40 лет мужчина считается «зрелым» — Книга Бытия 25:20, 26:34, Книга Иисуса Навина 4:7; жизнь Моисея подразделяется на 3 периода по 40 лет каждый; Исааку было 40 лет, когда он взял себе в жены Ревекку). Сюда относится также 40 недель внутриутробного пренатального существования человека.¹⁸² Кафка, вероятно, учитывал некоторые или все выше перечисленные ассоциации, когда написал: *«Вот уже сорок лет, как я покинул Ханаан».*

Вряд ли можно утверждать, что, остальные дневниковые записи пронизаны солнечным светом и усыпаны розами. *«Незаметная жизнь. Заметная неудача»*, — пишет он 20 февраля 1922 года [Д2 223]. Теперь приведем запись от 7 марта: *«Вчера был ужаснейший вечер, казалось, пришел конец».* [Д2 223] И все же в них нет чувства отчаяния и безысходности, столь характерных для записей, сделанных в дневнике до наступления поворотного момента. Это чувство, по-видимому, было вызвано не столько душевными

страданиями, сколько физической болью, причиняемой туберкулезом. Кроме того, сами стенания звучат на радостном фоне. Запись, сделанная 2 февраля: *«Какое счастье быть вместе с людьми»*. [Д2 218] В аналогичной тональности выдержана короткая пометка от 13 февраля: *«Возможность служить во всю силу»*. [Д2 222] И, наконец, запись, сделанная 26 февраля:

* *Ляпис, лапис - камень*

«Я согласен... что во мне есть возможности, явные возможности, которых я еще не знаю; но как найти дорогу к ним и, найдя ее, отважиться!» [Д2 223]

В целом, на основании последних записей можно утверждать, что, хотя Кафка еще не вышел из леса, он двигался в правильном направлении (под «лесом» подразумевается материнский комплекс). Это впечатление усиливается при внимательном рассмотрении сна, который приснился Кафке 23 (22) марта 1922 года:

«После обеда. Сон про опухоль на щеке. Постоянно трепещущая грань между обычной жизнью и кажущимся более реальным ужасом». [Д2 225]

Упомянутые в Ветхом Завете опухоли служат признаком недовольства бога данным человеком или народом.

Так, например, Господь повелевает Моисею совершить шестое знамение в Египте, бросив полную горсть пепла из печи к небу на глазах у фараона:

«Моисей бросил его к небу, и сделалось воспаление с нарывами на людях».

(Исход 9:8, 9). Сюда относится также один из недугов поразивших Иова:

«И отошел сатана от лица Господня, и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его». (Книга Иова 2:7)

Несмотря на болезненность, опухоли и нарывы позволяют проявиться внутренним отравляющим веществам, то есть они помогают организму освободиться от вредных элементов. В этом смысле они выполняют функцию, аналогичную депрессии, которая выявляет содержания бессознательного, повышая уровень их активности. В таком случае опухоль (у Кафки действительно была опухоль) можно рассматривать как физическое проявление переживаний Кафки в течение предыдущих месяцев. Следует отметить, что у первобытных народов кожа приравнивалась к душе, причем в прошлые века во всех культурах и странах мира кожные заболевания всегда считались карой божьей или сатанинской (вновь идея *«внутренних богов»*). 183

Из всех частей лица щека, вероятно, характеризуется наименьшей индивидуальностью. На этом основании можно предположить, что *«отравляющее вещество»* формируется (*«исходит из»*) в более коллективной установке как аспекте индивидуальной жизни. Психологически это соотносится с персоной (*«принимать любезный вид»*) и идеалами эго. Кроме того, щека/челюсть, как уже говорилось, традиционно ассоциируется с зарождением, плодородием, мужским началом и духом.

Интересно, что с помощью амплификаций устанавливается связь не только

между опухолью на щеке Кафки и сном об аниме в виде «слепого ребенка», чье лицо обезображено рычажком, прикрепленном к скуле, но и между опухолью и сном который приснился Кафке 20 октября 1921 года («Я должен был надуть щеки...»). В этом случае устанавливается связь и со сном об осле, борзой, который приснился Кафке за десять лет до этого (в нем содержится указание на спиритуализацию хтонической тени, следствие юношеских идеалов Кафки). Здесь через жизнь Кафки проходит еще одна «тонкая нить» его душа и тень были «травмированы» неуступчивым сознанием, которое придерживалось коллективных ценностей и установок, неприемлемых для его целостной личности.

Все это возможно и проявилось в виде опухоли: невротические страдания, которые были вызваны «слепотой» души и не покидали его в течение всей жизни; слабая скромная, склонная к уединению «условность», вызванная отказом признать право «природного человека» на существование; эмоциональная незрелость, из-за которой он находился в рабстве у материнского комплекса (эффект «заточения в темницу»).

11 апреля 1922 года через три недели после сна об опухоли Кафка делает в дневнике запись в которой резюмирует последствия «наказания» предшествовавших шести месяцев:

«Вечная молодость невозможна; не будь даже другого препятствия самонаблюдение сделало бы ее невозможной» [Д2 227]

Эта запись предвещает приближение смерти детских иллюзий, фактическое поражение дитя. Теперь для Кафки открыт путь, чтобы стать солидным, взрослым человеком, мужчиной.

Примечания

1. Andel Florec (ed.), *The Kafka Problem*, p. ix
2. Ibid.
3. См. в частности «психология и поэтическое творчество» в: Карл Густав Юнг. Феномен духа в искусстве и науке. Собр. соч. См. т. 15, М., 1992.
4. Marie-Louise von, *The Problem of the Puer Aeternus* p. i/i.
5. «Психология и поэтическое творчество», т. 15, параграф 156.
6. Max Brod, *Franc Kafka, A Biography*, p. 40
7. Ibid., p. 97.
8. Ibid., p. 96.
9. «Reflections on Sin, Pain, Hope and the True Way» in *The Great Wall of China and Other Pieces*, p. 146.
- Ю. GustavJanouch, *Conversations with Kafka*, p. 178.
11. C.G..Jung, «Definitions», in *Psychological Types*, CW 6, pags. 808-811.
12. *Letters to Milena*, p. 163.
13. *Letter to His Father*, p. 99.
14. Brod, *op.cit.*, p. 143.
15. Ibid., p. 156.
16. Ibid., p. 217.
17. *Lettera to Milena*, pp. 214-215.
18. *Letter to His Father*, p. III.
19. Bnod, *op. cit.*, pp. 240-242.
20. *Letter to His Father*, p. 113.

21. Ibid., p. 115.
22. Ibid., p. 110.
23. Ibid., p. 68.
24. Ibid., p. 69.
25. C.G.Jung, *Aion*, CW 9, 11, par. 29; and *Two Essays on Analytical Psychology*, CW 7, par. 331.
26. Letter to His Father, r. 45.
27. Janoush, op. cit., p. 53.
28. Brod, op.cit., p. 95.
29. Ibid., p. 96.
30. «The Stree Wihdow», in *The Penal Colony*, p. 39.
31. *The Great Wall of China and Other Pieces*, p. 136.
32. Walter Kaufmann (ed), *Nietzsche*, p. 50.
- ==104
33. Thomas Mann, *Tonio Kr(t)ger*, pp. 158-159.
34. Ibid., p. 190.
35. Ibid.
36. Brod,op. cit., p. 78.
37. Cf. *Experimental Researches*, CW 2. «A Review of the Complex Theory» in *The Structure and Dynamics of the Psyche*, CW 8, par 210.
38. *Mysterium Coniunctionis*, CW 8, par. S14.
39. См. К.Г.Юнг. Аналитическая психология. СПб, 1994. с. 18, 24, 25, а также К.Г.Юнг. Психологические типы. Цюрих, 1929, сс. 462-65. CW 6
40. *Aion*, CW 9, 11, par. 252.
41. Selma Fraiberg, «Kafka and the Dream», in Wm. Phillips (ed.), *Art and Psychoanalysis*; Walter H.Sokel, *Franz Kafka*; and Martin Greenberg, *The Terror of Art*.
42. «The Eight Octavo Notebooks and Fragments from Notebooks and Loose Pages», in *Wedding Preparations in the Country and Other Posthumous Writings*, p. 272.
43. Ibid., p. 330.
44. Ibid., p. 50. 45.Ibid., p. 148.
46. Ibid., p. 73.
47. «Reflections», in *The Great Wall of China*, p. 142.
48. *Franz Kafka*, «In the Penal Colony»,
49. Emma Jung, Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*. J.G.Fraser, *The Golden Bough*.
50. Подробнее К.Г.Юнг. Психологические типы, Цюрих, 1929, сс. 422-423.
51. «Reflectiops»in *The Great Wall of China*, p. 142.
52. Von Franz, *The Problem of the Puer Aefernus*, p. VIII/13.
53. «The Structure of the Unconscious», in *Two Essays on Analytical Psychology*, CW 7, par. 487.
54. *The Visions Seminars*, p. 336.
55. Ibid., p. 305.
56. «Some Crucial Points in Psychoanalysis» (Jung-Loy Correspondence), in *Freud and Psychoanalysis*, CW 4, par. 606.
57. Ibid., par. 607.
58. «The Relations Between the Egoand Unconscious», in *Two Essays on Analytical Psychology*, CW 7, par. 258.
59. «He», in *The Great Wall of China*, p. 135.
- ==105
60. «The Psychology of the Transference», in *The Practice of Psychotherapy*, CW 16, par. 470.
61. *Letters to Milena*, pp. 204-205.
62. «Reflections», in *The Great Wall of China*, p. 151.
63. C.G.Jung, *Psychology and Religion*, CW 11, pars. 126, 136, 250.

64. Richard Wilhelm (transl.), *The I Ching or Book of Changes*, p.11.
65. Brod, op.cit., pp. 39-40.
66. Ibid., p. 78.
67. Introductory Note, *The Great Wall of China*, p. 6.
68. Brod, op.cit., p.93.
69. Walter Kaufmann (ed.), op. cit., p. 228.
70. *Letters*, Vol. I: 1906-1950, p. 375.
71. *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par. 514.
72. «Psychology and Religion», in *Psychology and Religion*, CW 11, par. 9.
73. «A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity», *ibid.*, par. 260.
74. «Tractatus aureus», *Ars chemica*, p. 12. (Quoted by Jung in *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par. 37)
75. *Ibid.*, par. 741.
76. Cf. von Franz, *A Psychological Interpretation of the Golden Ass of Apuleius*, p. 44.
77. Cf. Patricia Dale-Green, *Dog*, pp. 23-24.
78. Von Franz, *Individuation in Fairytales*, p. 86.
79. Cf. J.Chevalier and A.Gheerbrant, *Dictionnaire des Symboles*, Vol.2, p. 165.
80. Cf. page 94.
81. «On the Psychology of the Unconscious», in *Two Essays on Analytical Psychology*, CW 7, par. 32.
82. Brod, op.cit., p. 108.
83. Janouch, op. cit., p. 179.
84. *Letters to Milena*, p. 171.
85. Brod, op. cit., p. 116. S6. *Letters to Milena*, p. 171.
87. Von Franz, C.G.Jung, *His Myth in Our Time*, pp. 135-136.
88. *Symbols of Transformation*, CW 5, par. 245.
89. *Psychology and Alchemy*, CW 12, pars. 397-398.
90. *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, pars. 738ff.
91. *Ibid.*, par 778.
92. *Aion*, CW 9, par. 357.
- ==106
93. *Psychology and Alchemy*, CW 12, par. 563.
94. «The Psychology of the Transference», in *The Practice of Psychotherapy*, CW 16, par. 489.
95. *The Visions Seminars*, pp. 337-338.
96. «He», in *The Great Wall of China*, p. 140.
97. *Ibid.*, p. 149.
98. Brod, op. cit., pp. 147-148. 99. *Ibid.*, p. 98.
100. «He», in *The Great Wall of China*, p. 134.
101. John Haywagd (ed.), *The Penguin Boole of Modern Verse*, p. 168.
102. «He», in *The Great Wall of China*, p. 135.
103. «Psychology and Religion», in *Psychology and Religion*, CW 11, pars. 90, 109.
104. *Letter to His Father*, p. 113.
105. *Ibid.*, p. 115.
106. *Ibid.*, p. 113.
107. Richard Wilhelm (transl.), op. cit., p. 232.
108. Von Franz, *The Problem of the Puer Aeternus*, p. VI/13.
109. *The Visions Seminars*, p. 504.
110. Janouch, op. cit., p. 178.
111. «Tgaclatusaurcus», *Arschemica*, p. 12. (Quoted by Jung in *Psychology and Alchemy*, CW 12, par. 192n)
112. Von Franz, *The Problem of the Puer Aeternus*, p. VIII/16.
113. *Dream Analysis*, Vol. I, pp. 209-210.

114. Cf. Jung, *Symbols of Transformation*, CW 5, pars. 308ff.
115. *Ibid.*, par. 306.
116. *The Visions Seminars*, p. 79.
117. Von Franz, *The Problem of the Puer Aeternus*, p. 1/2.
118. «The Provisional Life», in *Analytical Psychology and the English Mind*, p. 75.
119. *Ibid.*
120. Von Franz and James Hillman, *Lectures on Jung's Typology*, p. 33.
121. H.K.Fierz, «The Clinical Significance of Introversion and Extraversion», in *Current Trends in Analytical Psychology*, p. 91.
122. R.B.Onians, *The Origins of European Thought*, pp. 13-14,23.
123. Janouch, *op. cit.*, p. 23.
124. *The Visions Seminars*, p. 95.
125. Baynes, *op. cit.*, p. 69.
126. *Letter to His Father*, p. 73.
- ==107
127. Von Franz, *The Problem of the Puer Aeternus*, p. VIII/9.
128. «A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity», in *Psychology and Religion*, CW 11, par. 276.
129. Janouch, *op. cit.*, p. 23.
130. «Reflections», in *The Great Wall of China*, pp. 143-144.
131. «Psychological Aspects of the Mother Archetype», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, CW 9, 1, par.164.
132. *Ibid.*
133. *Ibid.*, par. 165.
134. Calvin S.Hall and Richard E.Lind, *Dreams, Life, and Literature, A Study of Franz Kafka*, p. 82.
135. Cf. Brod, *op. cit.*, pp. 52ff, 63ff, 100ff.
136. H.E.Jacob, «Truth for Truth's Sake», in *The Kafka Problem*, p. 54.
137. Brod, *op.cit.*, p. 170.
138. *Ibid.*, p. 97.
139. *Ibid.*, p. 95.
140. *Aion*, CW 9, 11, par. 22.
141. «Psychological Factors Determining Human Behaviour», in *The Structure and Dynamics of the Psyche*, CWS.psr. 245.
142. «Reflections», in *The Great Wall of China*, p. 145.
143. *Ibid.*, p. 142.
144. «The Psychology of the Transference», in *The Practice of Psychotherapy*, CW 16, par. 400.
145. Henry Miller, *The Wisdom of the Heart*, p. 24
146. «Archetypes of the Collective Unconscious», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, CW 9, 1, par. 66.
147. Cf. von Franz, «The Process of Individuation», in *Man and His Symbols*, pp. 185-186.
148. «The Philosophical Tree», in *Alchemical Studies*, CW 13,par. 454.
149. *Ibid.*, par. 455.
150. *Symbols of Transformation*, CW 5, par. 569.
151. Cf.A.R.Pope, *The Eros Aspect of the Eye*.
152. Onians, *op. cit.*, pp. 233, 235-236.
153. Jung, «Definitions», in *Psychological Types*, CW 6, par. 801.
154. *Aion*, CW 9, 11, par. 126.
155. Harry Slosser, *A Kafka Miscellany*, p. 110.
156. Brod, *op. cit.*, p. 186.
- ==108
157. Janouch, *op. cit.*, pp. 53-54.

158. «The Psychology of the Child Archetype», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, CW 9, 1, par. 287.
159. *Ibid.*, par. 285.
160. *Ibid.*, par. 288.
161. *The Great Wall of China*, p. 133.
162. Cf. Emma Jund and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, pp.82-83.
163. Cf. Jung, «A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity», in *Psychology and Religion*, CW 11, pars, 254ff. E. Fraser Boa, *The Two Brothers*, «A Psychological Exploration of the Cain and Abel Symbolism with Particular Reference to East of Eden by John Steinbeck.» (Cf. especially «The Positive Feminine», pp. 65ff)
164. Cf. Brod, *op. cit.*, p. 196.
165. Cf. Ad de Vries, *Dictionary of Symbols and Imagery*, pp. 188-190.
166. Brod, *op. cit.*, p. 197.
167. *Ibid.*
168. *Ibid.*, pp. 196-213.
169. «He», in *The Great Wall of China*, p. 134.
170. «Psychology and Religion», in *Psychology and Religion*, CW 11, par. 9.
171. «A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity», *Ibid.*, par. 260.
172. Erich Heller, *The Disinherited Mind*, p. 181.
173. «The Tavistock Lectures», in *The Symbolic Life*, CW 18, pars. 388-389.
174. Cf. Onians, *op. cit.*, p. 233; also de Vries, *op. cit.*, p. 470.
175. «A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity», in *Psychology and Religion*, CW 11, par. 276.
176. *Letter to His Father*, p. 11.
177. Brod, *op. cit.*, p. 78.
178. «On Psychic Energy», in *The Structure and Dynamics of the Psyche*, CW 8, par. 66.
179. *Ibid.*, par. 69.
180. *Symbols of Transformation*, CW 5, par. 438.
181. Peter T. Furst, «The Shamanic Universe», in *Stones, Bones, and Skin: Ritual and Shamanic Art*, p. 43.
182. De Vries, *op. cit.*, pp. 199-200.
183. Cf. Anne Maguire, *The Organ of the Skin as the Somatic Vehicle of Psychic Expression*.

Серия» «Библиотека аналитической психологии

Редактор серии В.В. Зеленский

Marie-Louise von Franz, Honorary Patron

Studies in Jungian Psychology by Jungian Analysts

Daryl Sharp, General Editor

НЕЗРИМЫЙ ВОРОН

Конфликт и Трансформация

в жизни ФРАНЦА КАФКИ

Перевод с английского Ю.М. Донца и В.В. Зеленского

Составление Словаря Юнгианских Терминов

и общая редакция В.В.Зеленского

Издание подготовлено по инициативе

Санкт-Петербургского Психодинамического Общества

и осуществлено НПО «МОДЭК»